

ГДЕ МОЙ ОТЕЦ?..

роман

Надежда СЕРЕДИНА

г. Москва

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Новый день — новая жизнь. Прожить один день всё равно что прожить вечность. И бывают счастливые минуты, когда кажется, будто то, чего хочется больше всего, обязательно исполнится. Алёша звонил Марине, но она ничего не поняла... «Люблю... Не оставляй меня...» А вообще-то, как раз поняла. Как много хорошего может быть в жизни, но этого так сложно достигнуть. Однако именно сегодня Марина почему-то решила: всё будет хорошо.

— Тра-ля-ля!.. Это значит, что у меня хорошее настроение — настройка — строение — троеение — трон — он. Случайно получилось. И правильно.

— Ты что там говоришь? — спросила Алла Павловна дочь.

— Объявили вопросы билетов для экзаменов.

— И ты этому радуешься?.. — мать покачала головой. — Университетская программа, университетские преподаватели в школе. Нужно много заниматься!

Марине с некоторых пор стало казаться, что Земля — это космический корабль и, как только все узнают, что они инопланетяне, путешествующие по галактике, сразу на Земле всё изменится — люди перестанут делать друг другу зло. Она рассказала это Алёше — ему понравилось. У него глаза добрые, как будто он ей брат. И ему можно доверять, хотя мама и говорит, что никогда не надо выкладывать о себе слишком много. Но ведь это так приятно — кому-то верить, доверяться, быть как будто наедине с самой собой. Марина записывала новости пережитого дня в свой дневник. Это занятие ей нравилось — словно монтировала кино. Она научилась видеть себя со стороны и теперь себя вчерашнюю сравнивала с сегодняшней.

Окончание. Начало в ж. «Север» №9-10 2016 г.

«Что со мной происходит? — спрашивала мысленно Марина. — Он не тот. Это понятно. Разные мы очень. Мне так грустно и больно. Даже, может быть, не справлюсь со своими чувствами. Но так я не хочу... Всё нужно делать в подходящую минуту: решиться и уйти. Куда уйти?»

Маринка позвонила Наташе.

— Зачем придумывать то, чего нет? — говорит подруга.

— Мне грустно и больно.

— Ты ведь не барышня-крестьянка и не Татьяна из «Евгения Онегина». И Тригорское давно стало музеем, — в голосе Наташи усмешка.

— Да. Хорошо было им, барышням... Пушкин прискачет на коне, стихи читает, в альбомы пишет, — Маринка вздохнула.

— Влюбляет всех в себя...

— Наташ, зачем заставляла Жанка нас учить письмо Татьяны к Онегину? Он же её не любил...

Наташа поправила:

— Он ведь полюбил.

Марина — обречённо:

— Когда было уже поздно. Тоже грустная история, как «Чайка».

Поговорила с Наташей, но грусть не рассеялась. Она опять открыла свой девичий дневник и хотела писать, но зазвонил телефон, Марина обрадовалась, думала, это Алёша.

— Добрый день, — сказал чужой мужской голос.

— Да? Добрый день... — поправилась: — Добрый вечер, — Марина сама не заметила, как наступил вечер.

— У вас телефонной карточки нет?

— Это не телефонная станция.

— Это я, Гарик.

— И что?

— Мне срочно надо позвонить в Америку, а у меня кончилась карточка, — Гарик был взволнован. — Не можете мне сказать ваш пин-код?

— Нет, не могу. У меня мобильник, а карточки нет, — Марина в недоумении.

— Мобильник-могильник... — не к месту зарифмовал Гарик.

— Что?

— Извините...

— Пожалуйста, — Марина как будто даже растерялась.

— У меня в Америке любимая девушка, — вырвалось у Гарика.

— Очень интересно. А зачем тогда вы сюда приехали?

— Я не знал.

— Что не знал? — Марина напряглась.

— Что я люблю её.

— Как это?! — выдохнула девушка. — Любил и не знал?!

Повисла пауза.

— Извини, там война началась! — будто оправдывался Гарик. — Она живёт в Манхэттене. Понимаешь?!

— Извини, у меня нет карточки... Я бы сказала тебе свой пин-код... Честно, я...

Но он, не слушая её объяснений, отключился.

Гарик смотрел телевизор и сходил с ума перед экраном. В Америке взлетели на воздух самые крупные небоскрёбы. Казалось, рухнула сама Америка.

— Анастасия, ты телевизор смотришь? — позвонил Гарик журналистке.

— Нет. У меня срочная статья. Завтра сдать надо...

Равнодушный голос Анастасии подхлестнул Гарика:

— Война! Началась война! — почти прокричал он в трубку. — Два небоскрёба взорваны! Ну, журналисты здесь?!

— А ты где?

— На Америку напали! — орал он.

Анастасия — после паузы:

— Кто же на неё может напасть? Это она всем угрожает.

— В Нью-Йорке взорваны небоскрёбы! — выпалил Гарик.

— Небоскрёбы? — она будто озадачилась. — Я ведь никогда не видела небоскрёбов! Почему ты так волнуешься? У тебя что там, небоскрёб свой? В Штатах происходит опасное разрушение национальных культур, — выплеснула она услышанные недавно слова редактора.

— Ты была в Америке?

— Нет.

— Я не была, но я скажу... Да?! — Гарик взвился.

— Штаты добились взлёта экономики только своей, а на остальных им наплевать! — из уст Анастасии это звучало как обвинительная речь. — У них нет культуры! Они...

Гарик торопливо перебил её:

— Скажи, пожалуйста, у тебя есть телефонная карточка? У меня кончилась. Ты бы смогла мне назвать свой пин-код, и я бы позвонил. А завтра я тебе куплю новую карточку, хорошо?

— Я не звоню в Америку, — холодно ответила журналистка.

Но Гарик как будто не услышал:

— Мне нужно позвонить. У меня там девушка! Понимаешь? Мне нужен пин-код твоей телефонной карточки!

— У меня нет карточки.

— Манхэттен захвачен террористами! — почти кричал Гарик. — Она живёт в этом районе. Мы жили вместе... Нет. Я думал, мы расстались навсегда, что между нами уже всё конечно. А я... я её люблю.

— Ты же приехал невесту искать... русскую?! — успела напомнить Анастасия.

И связь оборвалась. Гарик стал листать записную книжку. Тигран Зайцев... Дозвонился Гарик до Тиграна не сразу, у того постоянно занято.

— Тигран, ты смотришь телевизор? Война началась!

— Американцы сами это сделали... — спокойно возразил Тигран.

— Ты что говоришь! Это же символ Америки — близнецы-небоскрёбы! — кричал Гарик. — У меня там девушка!

— Ну... Девушка не жена. У меня знаешь сколько девушек...

— Жена! — выпалил Гарик..

— Ты же говорил, что ты не женат?.. — Тигран будто напрягся, подбирая слова. — И потом, знаешь... не люблю я небоскрёбы и небожителей. Я не ньюйоркец.

— Тигран, ты понимаешь, что началась Третья мировая война?! Включи Первый канал.

На том конце повисла пауза.

— Включил, — отозвался наконец Тигран.

Гарика это молчание убивало.

— Ну, Манхэттен видишь? Я там ходил по улицам, как ты здесь. Понимаешь?

— А в Чечне не ходил по улицам? — Тигран начал раздражаться. — Что ты раскричался? У нас тут свои войны!

— Если в Америке война — война будет везде!

— Врёшь, парень. У тебя там баба осталась, вот у тебя и душа горит. Это террористическая

вспышка. Это не война, — твёрдо сказал Тигран. — Паникёр! Успокойся, добрый молодец, ложись себе спать, утро вечера мудренее...

Гарик действительно похож на добра молодца из народных сказок. Удался и ростом, и волос русский, и косая сажень в плечах. Вот борода рыжая, не совсем народная, всё портит, из образа выпадает. Но нужна ему эта борода зачем-то, ни за что её не сбреет.

— ...Пять миллионов в Америке русских! А ты говоришь «не коснётся»! — примирительно ответил Гарик.

Тигран зевнул:

— Ну... Их туда никто не гнал.

— Самолёт «Бостон — Нью-Йорк». Слышишь? У меня в Бостоне друг. Вы тут не видите большой политики!

— Это война бедных против богатых. Когда есть что кушать, собака не звереет.

Бросил трубку.

По телевизору повторили контактный телефон посольства США в Москве.

Гарик попробовал набрать этот номер. Занято, занято... Короткие гудки. Наконец соединилось.

— Введите пин-код, — проинформировал автоответчик.

Куда позвонить?

— Справочное? Алло! Девушка! Не бросайте трубку! Скажите телефон горячей линии. Не знаете? А кто знает? Вы не знаете, кто знает? Мне нужно позвонить в американское посольство! Алло! Что? Вас не интересует, что мне вводить? А у меня карточки нет и счета нет.

Гарик нервно сжимал трубку, но там только гудки.

Когда компьютер даёт сбой, надо выпить чашечку кофе, а что делать, если сбой дают все? Плеснул воды в чайник и стал ждать, пока вода закипит. Открыл крышку и смотрел, как вода забелелась, потом пошли мелкие-мелкие пузырьки, потом — крупнее.

— Алло! Девушка, это опять я. Не бросайте трубку! У меня подруга в Нью-Йорке, я её люблю, вы же должны понимать. Почему? Потому что вас тоже кто-то любит. Не любит? Не бросайте трубку! Пожалуйста, дайте мне ФСБ. Да. Три пятёрки и три шестёрки? Спасибо. Вас обязательно кто-нибудь полюбит!

Гарик не спал всю ночь, в памяти возникал брат. У него был брат-близнец, который умер на третий день после рождения. Он этого мира не познал, и мир его не принял. Ушёл. Но почему-то в самые сложные моменты своей жизни Гарик вспоминал брата-близнеца, точнее, даже вспоминал не его, а о нём. Фотографии не было. Похорон, наверно, тоже. Ребёнка из роддома не отдали, или мать не добились, чтобы забрать, или родственники пожалели роженницу, чтобы не травмировать её похоронами?.. Никто не говорил об этом, и второго ребёнка, брата, как бы не было никогда. Но для Гарика брат был, жил в его душе, и даже мысленно он иногда обращался к нему как к ровеснику.

Пока Гарик с матерью были в Америке, квартиру, где они до отъезда жили, отдали учительнице, которая стояла в очереди на жилплощадь двадцать шесть лет. Мать Гарика, худощавая, невысокая, темноволосая, активная не по возрасту, скорее подходит на роль жены, а не матери своего сына. Она ещё сохранила энергичность, молоджавость и какую-то особенную лёгкость на подъём. На родине приветливо встретили их только друзья, а весь остальной город казался чужим. Выручили деньги, которые привезли из Америки, хоть и трудно было матери припрятывать их от Гарика. Домик купили в сорока километрах от города, в Журавлино.

Вот Гарик натолкнулся на телефон Фёдора Фёдоровича. Позвонил, напугал Наину.

II

Наина включила телевизор: по всем программам показывали ужасы террора. Руины, жертвы, близкие погибших — всё на экране вызывало жалость и сострадание. Женщина была одна. Она прислушивалась к телефону — с утра ждала звонка. Стол напротив лоджии. Её место там, где удобно смотреть телевизор, место мужа — сбоку. За телевизором — бар. Наина отпустила домработницу пораньше, но та, желая угодить, суегилась и разрушала внутренний комфорт дома. Неумение держать дистанцию — главная причина, по которой Наина часто меняла прислугу. Они, эти приходящие домработницы-учительницы или пенсионерки, влезали в личную жизнь хозяйки, и их приходилось увольнять. На-

ина сидела в кресле в прихожей, на возвышении двух ступенек, рассматривала себя в зеркало. И вот мелодично заиграл телефон.

— Слушаю вас, Анастасия, — Наина прижала трубку к уху.

Терпеливо выслушала и с достоинством ответила:

— Да! Фёдор Фёдорович получил ваше письмо, — Наина хотела понять как можно больше, угадать, прошло ли между ними то, что было раньше. — Он попросил меня известить вас, но у меня не было времени... Да... Нет... Сам он сейчас очень занят и не очень здоров. И он, как я знаю, с журналистами встречаться не любит. Да? Нет... — она выдержала паузу. — Ваши интервью его могут интересовать примерно так же, как сплетни соседок у подъездов. Это абсолютно чуждый ему жанр!

Анастасия не ответила на колкость.

— Вы думаете, что у него лёгкий хлеб? — Наина выразительно вздохнула. — Какое у него знание литературы! Какой безупречный литературный вкус! А его талант остается незамеченным! До свидания... Фёдор Фёдорович на даче.

* * *

Возможно, кому-то покажется, что Фёдор Фёдорович — фигура не столь значительная. Однако же он спонсировал издания книг, давал храмам на строительство, а иногда от него зависело, какая школа сколько получит средств на ремонт. Он знал, кто из влиятельных людей увлекается девочками. Он был нужным и полезным для очень многих важных особ, но заботился, чтобы об этой теневой стороне его жизни не знали. Газета, в которой работала Анастасия, тоже была обязана заботе Фёдора Фёдоровича. Анастасия долго не догадывалась об этом.

Фёдор Фёдорович устроил себе небольшой отдых и уехал подальше от цивилизации. Телевизор есть и на даче, так что к новостям в любой момент можно подключиться. Надо побережь нервы от лишней эмоциональной нагрузки. «Инфаркты, инсульты — хорошо бы как-нибудь без этого обойтись», — думал он. Вечером Фёдор Фёдорович уже был в гостях у своего простодушного деревенского соседа Митроши. Деревня бодрила, окрыляла, вливала свежие силы нас-

только, что Фёдору казалось, будто на природе под ногами у него не земля, а облака.

— Я убежал сюда, — доставал Фёдор городские гостинцы для Митроши. — Совсем не могу дышать в городе.

— Зачем же жить там, где нечем дышать? — дивился простой и добрый Митроша дачному соседу.

— Хочу ходить по лесам и долам с Рыжохой! — Фёдор размечтался. — К тому же наконец-то её удалось сосватать. Жизнь продолжается!

— В собаке? — Митроша снова подивился, как в городе уважают животных. — А я собаку в дом не пушу! Нет! Мне бабушка всегда говорила: грех это. Дом — для человека жильё. Не всякий человек угол имеет, а мы собаку — под образ Божий.

— Давай выпьем с тобой за мир! — предложил Фёдор, блаженно улыбаясь.

— За мир во всём мире! Чего они там в Америке не поделили? Вроде бы у них там всё есть, — выпил деревенский сосед половину стакана и отставил его.

— Я от жены сбежал... Ревнивая она у меня. Не поверишь, я сколько раз ходил на почту понапрасну спрашивать «до востребования». А она всё равно перехватила. Влюбился я «как безусый мальчуган». Вот прочти от неё письмо — украл его у жены. Ха-ха!

— Это не мне письмецо-то, — отстранился Митроша от городского гостя. — Чужое письмо читать — как в дверную щель подглядывать.

— Я ходил на почту — не писала. Я бросил ходить. И вдруг — вот! Вот оно! Роковое письмо. Я и ответ написал, — признался Фёдор. — Вот! Послушай: «Не могу сказать, что полностью разделяю восторг ваш... Я-то знаю!.. Твой и не твой... Прости, дорогая».

— Федя, ты что ж, тут жить будешь? Выгнала? — хмелея, осмелел сосед.

— Я сам ушёл! Приеду — скажу ей: «Дорогая, прости меня! Я виноват!» Вот... Сослала в деревню, «в глушь, в Саратов». А у меня, кроме головного и спинного, есть ещё и желудочный мозг.

— Желудочный?! — рассмеялся с прокуреным хрипом Митроша.

— Желудочный мозг — это мощное скопление нейронов и нервных пучков! Они подчиняют себе и голову, и позвоночник.

— Желудочный мозг?! Ха-ха! — хрипло хохот-

нул Митроша. — Это, значит, как у нас бабы говорят: «Путь к сердцу мужика лежит через желудок».

— В сердце мужчины есть перегородки для разных женщин, — подмигнул многоопытный Фёдор Фёдорович.

— К любовнице, значит, малый желудочек? А к жене — большой? Ха-ха-ха... — лукаво подмигнул Митроша.

— К жене и детям — одна любовь, — городской гость, хмелея, разоткровенничался. — Это нельзя сопоставлять с тем, что испытываешь с другой женщиной. Мы, мужики, полигамные звери...

— Давай выпьем за этих самых зверей, чтоб не перевелись, — предложил Митроша.

Открыли новую бутылку — Фёдору хотелось показать свою щедрость.

Митроша решил показать свою осведомлённость:

— Что там говорят-то в Москве про Америку? Кто бомбит?

— Никто её не бомбит! — неожиданно рубанул Фёдор.

— Что? Брешет телевизор? — захмелевший Митроша хлопал глазами.

— Нам с тобой что? Сидим в деревне, водочку пьём, огурчиком закусываем. Что тебе в деревне до Америки? — Фёдор в подтверждение своих слов смачно захрустел огурцом.

— В деревне, — будто обиделся Митроша. — Сам Михайло Ломоносов в лаптях в Москву пришёл из деревни! — он поднялся и засобирался домой. — Я всю жизнь затемно вставал и шёл работать! Вы разве в городе так работаете, как мы тут? А?! Скажи честно!

— Скажу. И в городе есть трудоголики. Это болезнь такая сейчас... — в голосе Фёдора Фёдоровича послышалось назидание. — Поляков Павел Палыч как начнет рассказывать о работе...

Но Митроша уже вышел из домика, в знак протеста сильно шаркнув дверью.

III

На работу Павел Павлович Поляков приходит к половине восьмого, раньше секретарши. В деревне отец его и дед вставали рано, а мать — ещё раньше. «Солнышко нас не дожидается», — часто говаривала ему мать.

Теперь в его хозяйстве — люди, которые управляют другими людьми. К восьми к Полякову являются руководители предприятий-должников. Являются с утра пораньше, пока он добр и никто не успел его рассердить.

— Как дела? — спрашивает Поляков, прищуром глаз оценивая посетителя.

— Хуже нет! — отвечает посетитель. — Надеемся только на вашу помощь!

— Чем я тебе помогу? Ты вот сделай экскаватор маленький, который работает в стеснённых условиях. Я у тебя триста таких возьму. У тебя люди работают?

— Только числятся. По полгода дома сидят.

— Собери их, думающих мозгов! Скажи им: «Вот вам целевая задача — построить маленький экскаватор». День и ночь будут работать!

— Люди есть. Денег нет, — просителю было так тяжело сидеть на стуле, что хотелось вскочить и убежать.

— Бездонной кадки водою не наполнишь. До свидания, — встал Поляков, по телефону дал распоряжение секретарше: «Следующего приглашай!»

За время, пока посетители менялись, выпил стакан минеральной воды.

— Пришёл просить вас подождать с долгом, — сказал новый проситель, глядя на шесть телефонных аппаратов, кресла в новой коже, кондиционер.

— А у тебя трикотажная фабрика есть! Моя жена туда бегала ещё при советской власти. Свитерочки брала.

— Были хорошие тогда времена...

— Сделай майки с эмблемой города, с красивой вышивкой. А ты потом на майке другой бизнес сделаешь! — Павел сощурил цепкий глаз-гарпун. — Вы элементарного сувенира своего не сделаете!

— Деньги на всё нужны! — оправдывается проситель.

— Надо самим всё в своем городе производить! Телевизор наш — допотопный, с ручным управлением у моей тётки. А где наш телевизор с дистанционкой?

Его перебил телефонный звонок.

— Проявлять инициативу надо! — Великий путешественник вернулся к разговору. — Никто нам не даст денег: ни на местах, ни верховная, ни федеральная власти. Берите кредиты.

— А с процентами как?! Это же грабёж!

— Не заниматься революционными делами надо, а работать! — наставляет Павел Павлович.

— Да, — проситель вздыхает.

— Власть нужна народу! Да смотри, пей, да не напивайся; люби, да не влюбляйся; играй, да не отыгрывайся. Приди через недельку, — чуть смягчается Поляков на прощание.

Так проходило время до обеда. А обедать Поляков любил в семейном кругу. В этом кругу была уже и сноха Оля. Когда сын познакомил его с этой девушкой, отец долго со свадьбой тянуть не стал. Понял: Оля для семьи находка. Он сразу и свадьбу сыграл, и в дом её взял, под свою крышу. Он любил делать подарки Оле, но ей больше нравилось самой ходить по магазинам, выбирать, делать покупки. Поляков шёл и думал: подарить невестке что-нибудь или просто дать деньги — пусть сама выберет.

Теперь ей хотелось ходить по магазинам, дорогим в том числе, и покупать красивые вещи — всё, на что глаз ляжет. А вечером — продемонстрировать свёкру какой-нибудь дезодорант-антиперспирант и разрекламированный крем, который придает коже мягкость, упругость и нежный аромат. Она показывала покупки Полякову — ему это было приятно.

А тётка Алла не любила разговаривать с Олей о покупках. Вот даже у неё — и то в семье не всё хорошо. Оля удивилась: тётка Алла делает вид, что ничего не произошло. И она больше никогда с тёткой Аллой об этом не говорила.

Оле нравятся старинные арки — их сводчатые карнизы таят в себе что-то древнее, мистическое и уводящее в глубины прошлого. Но под ногами — сырость и грязь. Осень ещё не вступила в свои права, а только борется с летом, и всюду обрывки бумаги, склянки, рухлядь, что-то грязное и ненужное. Настроение таило в себе и ослепительную яркость солнца, и грязь, и что-то смутное, переменчивое.

Оля неторопливо возвращалась в свой новый дом. Хотелось рассказать кому-нибудь о пережитом... Маме бы она сразу всё выложила. А здесь... Кому рассказывать?

— Хорошо вам сейчас жить, — зашёл свёкор в

её комнату. — А как мы жили?! Разве сравнить! Вы на всём готовом сейчас.

Оля промолчала, хотя почувствовала упрёк. Мать никогда её не упрекала и бабушка тоже. Если они говорили о трудных годах, то с желанием, чтобы на судьбу Оли такого не выпало.

— А я пошёл в школу после войны. Единственно, с чем пошёл, — пол-карандаша. Это был такой химический карандаш. Шёл три километра. «Что, овца, пришёл?» — надо мной сразу начал смеяться Ванька-косой. Мы сцепились подражаться. Пришла учительница. Разняла нас. «Кто ты? — спрашивает меня учительница. — Как твоя фамилия?» — «Поляков». — «Ты куда пришёл? — спросила учительница. — А ты знаешь, что в школе драться нельзя?» Учительница вырвала из тетради и дала два листка. И у меня было пол-карандаша... Знаешь, такой был, химический?

— Нет, не знаю, — безразлично призналась Оля.

— А учились просто, — продолжал свёкор, присев в кресло. — «Дети, скажите, сколько будет, если сложить одну вторую и одну вторую?» — спросила нас учительница. «Целая!» — не удержался я и вскочил. Учительница написала на доске числа дробью. Поставила между ними знак сложения. И после «получится» написала, что будет одна четвёртая. «Получится одна четвёртая», — оглянулась со строгим взглядом на меня. «Ну и овца!» — вскочил Ванька-косой и прямо при учительнице отвесил щелбан. Вышли на улицу. Подрались. «Дед, если половина и половина, сколько будет?» — пришёл домой, прикрывая синяк. Дед сложил две половинки яблока и показал.

Старику нравилось, когда его слушают, а Оля сквозь голос и слова видела всю его жизнь. Он это ценил.

— Приходилось с самого раннего возраста проявлять инициативу. А такого, чтобы сел, а кто-то тебе принёс-дал, такого не было.

Оля снова почувствовала лёгкий укор, но пересилила себя, сделала вид, что не заметила. Часы в доме, как куранты, громко пробили.

— Мы ходили на работу — нам ещё десяти лет не было, — глухо звучал голос Павла Павловича. — У отца было большое хозяйство. Коровы, лошади... Лошадей ночью пасли. Но я в то время вообще не слышал, кто такой Тургенев. Мы же в оккупации глубокой были... Уезжали на это время из деревни целыми семьями. Жили в лесу.

— Немцев боялись? — зачем-то спросила Оля.

— На нашем хуторе немцы нас конфетами угощали. Игрушки дарили разные. Это же западная Белоруссия. Если говорить честно, бросали цветы им. А потом, года через два, началось партизанское движение. Вот тогда начали жечь деревни.

Девушка — о своём, девичьем:

— А первая любовь у вас была?

— Была, а как же... — кивнул Павел Павлович, откинувшись на спинку кресла. — Валею её звали. — («А Оля ведь похожа на Валею», — мелькнуло у Полякова в голове.) — Течёт Горынь с Карпат мимо дома... Она чудная была, изумительно чистая, река буйного нрава. Могла разливаться в любое время года. Вода вспучивается и всё затопляет. Событие — кто переплывёт реку! — улыбнулся, скрестились складки морщинками в уголках глаз. — Рыба была! Во! Самодельными крючками вытаскивали... Вот, помню, Валя на табурете в избе... Уже ж темно, вечер! Она сидит, ревёт: «Я одна не пойду. Волки там!» Я вёл её на другой конец хутора, — Павел Павлович помолодел глазами, расправил плечи. — А потом мы так привязались: и в школу — вместе, и на танцы ходили вместе. Я любитель был ходить на танцы. В любое время дня и ночи! Где танцы — я не мог пропустить.

Оля улыбнулась его воспоминаниям, спросила:

— А Валя?

— Родители хотели нас поженить...

— Вы её любили?

— Я, Оленька, очень физику любил. Я сразу определил, что моя жизнь будет связана с тем, где электричество. Армия, а после армии — распределение. Оказался здесь, на Дону. Какие огромные просторы земли! Чёрные! Во мне заговорила крестьянская душа. «Вот, — думаю, — моему бы отцу такую землю!» Если не было бы революций, у нас было бы всё! Работай! Зарабатывай! Покупай что хочешь... Можно, конечно, иметь один автомобиль, а можно иметь четыре автомобиля. Сегодня хочу — на белом еду, а завтра — на красном. Послезавтра — на чёрном.

В дверь позвонили. Павел Павлович поднялся из кресла и пошёл открывать.

— Жду вас, Марк Яковлевич. Жду, — встретил хозяин адвоката Аस्याка. — Вот видишь, Оля, и поговорить нам нет времени. Сначала

стоит вопрос «на что жить?» А потом — «когда жить?» А жить-то уже некогда. Вот в войну люди жили, спешили жить, не откладывали на потом. Жили каждый час. Война, конечно, плохо! Но её уроки ни с чем нельзя сравнить!

Адвокат удивлялся двойственности Полякова: два разных Полякова. Он видел его с разными людьми: с секретаршей, с ответственными посетителями — один язык, с Олей — как будто безграмотный, и речь неправильная, словно в детство впадает.

— В Америке игрушки китайские. И у нас тоже начали подражать, — продолжал Павел Павлович. — К Японии, может, и не приблизимся, но игрушку-то свою сделать можно?!

— Никогда мы не приблизимся! — тихо добавил Асляк. — Вот убили судью...

Но его никто не услышал — словно он, как рыба, только открывал рот. Марк Яковлевич наблюдал, как новый русский путешественник Поляков купается в роскоши, владеет богатством, которое десять лет назад было народным. Великий путешественник любил говорить сам, а слушать не любил. И Марк Яковлевич, решив свой вопрос, ушёл, нужно было ещё купить подарок Алле — угадать, угодить.

IV

Сегодня у Аллы Таракановой день рождения. Гости — люди нужные, с положением и, главное, с деньгами. Всё новые иномарки у дома. Алла в дорогом костюме. Была она продавщицей в сельпо, а сегодня — директор международного торгового центра. Социальная революция.

— С днём рождения, Алла Павловна! — поздравила Анастасия, вручая розы.

— Цветы, насыщенные положительной энергетикой, лучший подарок, — Алла широко улыбнулась. — Спасибо.

Хозяйка пригласила Анастасию, чтобы в прессе было отмечено, как она провела свой праздник.

Кошка, крадучись, входит, изгибается тёмной дугой и тянется к цветам.

— У вас чёрная кошка? — удивилась Анастасия.

— Это крысоловка, она умная и мужественная.

Вдруг Анастасия вспомнила вчерашний сон: вокруг Аллы прыгает множество крыс и крысолов (у крысолова было человеческое лицо).

Праздник в разгаре. Не первый раз уже принимали тост за именинницу.

— Я доверяю только тем, кто мне доверяет! — сияет Алла.

— О! Алла! Моя любовь на первом курсе! Кровь моя как пламя горит, когда вновь тебя я вижу! А остывает, словно воск, если ты уходишь, — продекламировал Тигран.

Шум, смех, музыка — всё смешалось в доме Таракановой.

Алла вышла на улицу. Перестройка природы.

«Он мне руку вот так положил... — вспомнила давние слова дочки. — Вот так...» И вновь возникла в воображении картина, как её в ту пору семилетняя дочь ручкой коснулась между своих ножек. Тогда Алла сочла слова дочки бессмыслицей, а руку мужа — случайным жестом. «Но сейчас почему всё это вновь вспомнилось? Я отсекала прошлое. А оно возвращается. Это ужасно». Она опять слышала голоса из давно прожитых лет. Всё это гасило радость праздника.

Возбуждённый шёпот:

— Я хочу тебя внутрь себя забрать, чтобы ты никуда не делась, — вдруг перед ней возник Тигран.

— У тебя, как у кота, глаза зажигаются, когда ты меня ищешь, — она стояла, сложив руки, будто две стрелки часов соединились.

— Надо веселиться. Гости ждут. Они хотят, чтобы ты излучала счастье!

— Я устала, Тигран.

— Дай руку, я сейчас сделаю так, что у тебя вновь будет сила.

...Когда они вернулись через полчаса, Марк, опьянев, начал говорить о загадочно-дерзком убийстве судьи, но, заметив, что Алла не в том настроении, стал делать ей комплименты:

— Золотая черепашка. Ты символ богатства. Ясным утром — синий стриж, и я молчу, и ты молчишь... Реализм без берегов...

Но вдруг Марку показалось, что сдержанно-страстная Алла вот-вот сорвётся и скажет ему всё. Ему почудилось, что она знает, но молчит и про судью, и про Мариночку... Молчит, словно держит камень за пазухой, ждёт момента, когда удар будет смертельным.

Но Алла говорила о другом:

— Я устала от попрошаек. Это жалкие люди, — с брезгливостью сказала Алла. — За один месяц

больше ста заявлений о помощи! Но я не могу помочь всем! Эта толпа нищих достаёт меня каждый день. Жуткая гримаса голодных!

— Да, когда человек попрошайничает, он перестаёт принадлежать самому себе, — подошла Анастасия.

— А кому же он принадлежит? — усмехнулся Марк.

— Их называют убогие... — Алла помедлила, подбирая слова. — У Бога... они. Вот матушка Светлана нищими не брезгует...

— В деревне одна тень у человека, в городе — две... — сказал ни с того ни с сего Марк.

— Нищие совесть пробуждают, — заметила Анастасия, внимательно наблюдая за Асляком и его женой.

— На фиг она мне нужна со своими нищими! — неожиданно выкрикнула Алла.

— Если слово «фиг» обозначает не фиговое дерево, то это грубое, просторечное слово. Лангуст поедает более слабых сородичей, — подошёл Гарик с фужером в левой руке. — Плавают они хвостом вперёд, как ракеты, — смеясь, играл правой ладонью, как плавником.

— Хватит о грустном! Торт несут.

Выключили люстру, горели только свечи на столе. Хрусталь отражал игру пламени. Серебро отсвечивало. Всё сияло. Гости ели, пили, болтали что кому на ум придёт, что за разум зайдёт. Пьяные голоса разрушали границы приличия.

— Ангел без крыльев! — бросил насмешливо Асляк, он часто выигрывал на судах тем, что уничтожал противника долгим гипнотизирующим взглядом. Так же уставился он на Анастасию — словно знает о ней больше, чем она о себе.

— Опрокинула она вас, Асляк! — засмеялся подвыпивший Гарик.

— У меня не такие дела проходили, — Марк продолжал пожирать журналистку глазами.

Но Асляк думал о своём, в душе у него не было праздника. Сегодняшнее решение судьи предвиделось. «Я никого защищать не буду. Я только слушаю. Защищаться вы должны сами», — эта фраза судьи крутилась в его голове, как ключ к победе. И, когда адвокат взглядом искал глаза обвиняемых, они смотрели то в окно, то на народных заседателей, то на судью, то на китайскую розу.

— Адвокат Асляк! У-у, как вы изуверски из-

воротливы! — прошептал ему на ухо Гарик, возвращая Марка на праздник.

— Депрессивное состояние снижает интеллектуальность, — отшучивался Асляк.

— Нашли жениха к её свадебному платью, — рассмеялся Гарик, зачем-то разминая пальцы. — Любовь — самое сильное оружие.

— Сейчас девушки сами себя замуж выдают.

— Провинциальные чиновники безошибочно улавливали линию Кремля, — доставал Асляка Гарик. — Капитал идёт по трупам. Лакеи капитала...

— А вы знаете, кто такие выкресты? — уколол его, напомнив древнюю историю, Асляк.

— Вы были при власти, а вам показалось, что вы сама власть, — с вызовом рассмеялся Гарик и положил свою руку на плечо Асляку: — Спуститесь с неба на землю.

— Я никогда и не был на небе, — адвокат имел большой опыт и давнюю практику, отвечал без замедления, и зал судебного заседания был для него как подиум.

Асляк приходил незаметно, «шпион» — говорила о нём жена. Несмотря на то что он поселился в самом чистом районе города, ему всё не нравилось, везде мерещилась пыль, грязь. Надевал длинный халат, напоминающий подиур. Вспомнил, как защищал в советском суде четверть века назад сегодняшнего раввина. Тогда, несмотря ни на какие веские обвинения, удалось уменьшить срок вдвое.

— Я, может быть, тоже хочу стать иудеем, — вдруг заявил Гарик, всё ещё разминая фаланги пальцев.

— Ты не можешь, — осадил его Асляк.

— Могу! — почти выкрикнул Гарик. — Гиюр никому не запрещён!

— Что это — гиюр? — спросила стоявшая поблизости Анастасия, не сдержав любопытства.

— Принятие иудаизма, — объяснил Гарик, считая, что она на его стороне.

Марк криво улыбнулся:

— Зачем тебе шестьсот тринадцать заповедей Ветхого Завета? Зачем подвергаться неприязненному отношению?

— Везде неродной, — огорчился Гарик. — Правда твоя, правда и моя, а где она? Тогда я окрещусь.

— С еврейским народом «выкресты» теряют связь, — многозначительно сказал Асляк.

V

Гарик всю перестройку был в Америке и перестроился сам по-своему: американца из него не вышло, а русское из него ушло. С тех пор как Гарик познакомился с раввином, узнал много интересного. Долгие годы раввин провёл в американской ешиве (школе). Диплом ешиве и опыт отсидки в советской тюрьме обеспечили ему особое отношение людей.

— На волка — поклёп, а зайцы кобылу съели, — зло хохотнул Гарик.

— У евреев, родных своим еврейством, есть принципы, — с пафосом сказал Асляк.

— Не только соседи, даже мужья не идентифицируют своих жён как евреек, — смеялся Гарик.

Он услышал голос, который больше всего его понимал там, в Америке, голос, который превращался в эхо: «Три вещи правят миром: любовь, голод и страх смерти».

Асляк хотел отойти, но Гарик взял его под руку. Марку пришлось продолжить разговор:

— С того времени, как разрушен Иерусалим, Коэн в праздник благословляет народ, он первым читает тору, но он не исповедует, как священник.

— А исповедует кто? — спросил Гарик.

— Нет у нас исповеди. Есть просто беседа. Исповедаться можно только в храме Иерусалима. А храм разрушенный восстановить надо.

— Национальность у вас и есть вероисповедание? — Гарик пристально глядел в хитрые глаза адвоката.

— Нерелигиозных евреев не считают евреями, — ответил Асляк.

— А много среди судей евреев? — доставал его Гарик.

— «Опьяневшие от гнева девицы из эскорт-услуг проучили свою подругу...» — адвокат начал читать заметку в газете, вынутой из кармана. — Опять убийство. Вирус какой-то...

Но тут подошли дамы и увели их танцевать.

Танцевали уже более свободно, даже развязно. Обнимали женщин ниже талии. Шептали на ухо что-то, после чего те прикрывали глаза и тихонько смеялись.

Праздник продолжался. Водки, вина и шампанского было припасено на неделю. Затеяли шашлыки. Потрескивали дрова в камине, разгорались угли.

На следующий день после праздника работать Алле Павловне не хотелось. Медленно тянулось время.

Тигран Зайцев пришёл к Алле не раньше и не позже назначенного — минута в минуту.

— Сегодня мы ускорим рассасывание жидкости в тканях, — приступает Тигран к массажу.

— Ускорьте, — расслабилась Алла.

— Возьмём ваш суставчик, — смещая и растягивая ткани, он лечил её. — Как вы сегодня спали?

— Совсем не спала, — она усмехнулась. — В независимом одиночестве. И в голову всё лезла свекровь... Мне так одиноко...

— Одиночество подобает только богам, — Тигран глубже захватывает её мышцу.

— Двадцать лет моя свекровь была дочерью врага народа. Отец её — латышский стрелок. Комбат.

— «Комбат, батяня, батяня комбат», — запел популярную песенку Тигран.

— В тридцать седьмом батяни не стало, — Алла вздохнула. — Где теперь батяня-отец?..

— Зачем же вспоминать только плохое?

— Реабилитировали через двадцать лет после смерти. Мать свекрови была секретаршей. Её с работы уволили. Голодали... — Алла умолкла и прикрыла глаза.

Но Тигран нарушил молчание:

— Я для вас специально достал индийскую мазь. Что чувствуешь?

Она будто не услышала его, спросила вместо ответа:

— Ты боишься бедности, Тигран?

— Блаженны нищие... В прошлом веке на Руси нищих странниц бабушки-дворянки за свой стол сажали.

— До швейцара! Дальше не пускать! — вскрикнула Алла старческим хрипучим голосом. — Они сейчас работать не хотят! Дедушка после войны прикручивал подошвы проволокой и шёл на работу! У бабушки пальта не было, в ватнике ходила.

Тигран мысленно удивился, как это у Аллы Таракановой — лидера движения — вырвалось «пальта».

— ...Всю войну свекровь работала на оборонном заводе. Два выходных в год. Седьмое

ноября и Первое мая. Потом стала шофёром. Представляешь?..

Массаж окончен. Сегодня у Аллы Павловны Таракановой день расписан по минутам.

Пришел Руков, отодвинул от себя сердоливое деревце:

— Я вам подарочек принёс.

Часы действительно были редкостные.

— Антиквариат? — приятно улыбнулась Алла, сразу оценила. — Спасибо, что не забываете. Жалко, свекрови нет. Для неё это был бы подарок! Она ведь жила прошлым. Прямо спать боюсь лечь, снится один и тот же сон: свекровь меня прижимает и говорит: «Не жди! Не жди... Не ходи к нему. Не ходи». А я громко, навзрыд плачу и просыпаюсь в слезах.

— Я вот тут бумаги вам принёс, это будет интересно. Просмотрите, я через недельку зайду.

Проводила депутата до двери сама Тараканова. Ручку он ей жал и смотрел, как у неё суживаются в уголках глаза, словно их натягивают. Но больше напряжение ничем не выдаёт — не женщина, а дьявол в юбке.

— Кто ещё есть? — Алла Павловна спросила секретаршу.

— Общество «Милосердие», с просьбой. Деньги просят... Пускать?

— Кто? Эти? Я помню, что они говорили!

— Не пускать?

— Пусти.

— Работать надо, а не ходить побираться, милости просить! — встретила Алла двух женщин, не вставая из-за стола.

— Алла Павловна, мы же не для себя просим, — сказала матушка Светлана.

— Вы мне там испортили всё! — Алла не сдержалась. — Чуть конференцию не сорвали!

— Но вы такие дорогие подарки раздавали, — матушка ступешалась, — а мы просим варежки для детей...

— Всем не надаёшься! Весь день мне с утра испортили! Вы побудьте в моей шкуре.

Женщины не уходили.

— У вас все девочки такие модные... Эти подарки, туристические путёвки в Турцию... А каждый раздет, разут. Мы бы на эти деньги купили носочки и варежки детям. Голодные...

— Вы что, голодные пришли? Вас что, двоих

накормить? — отталкивающая холодная улыбка.

— Мы не голодные! Мы не для себя просить ходим!

— Вы что, с мужьями не наругались — сюда пришли?! — взвизгнула Тараканова.

* * *

День закончился. Алла лежала в постели, но уснуть не могла. Холодно. И больно от того, что всё рухнуло. Дочь — соперница? Голоса, голоса... Каждое их слово было согрето пламенем чувств особой любви дочери и матери. А теперь... Даже общие фотографии хотелось порвать. Поле памяти засорено и осквернено.

Марк не любил фотографироваться. Колдуньи не фотографируются. Изображение шамана опасно, ведь он может убить на расстоянии. Дочь вспыхивает как порох, выплескивает своё настроение по всякому поводу. «Отравить вас обоих, что ли?!» — Алла вспомнила сцену из фильма, разыгранную между дочерью и матерью. У них до этого не дошло. Как же жить! О! Люди! Тараканова посоветовала Марку обратиться к психологу. Он не признался. Ему легче было свою любовь принимать за игру. Марк, Марк!.. Дочки-падчерицы так близко от отчимов и так далеко от родных отцов. Нервы! Кровеносные сосуды могут закупориться даже от испуга. Если утром согнуть в коленках ноги, приподнять их и одновременно растереть вокруг желудка и по животу куском фланели... Дочь в ответе за грехи своей матери?..

* * *

Алла Павловна знает, что Марина любит стихи. В стихах — всё лучшее, задушевное, неприкосновенное. Здесь поиск себя. Становление души. Только вера и любовь. Его прикосновений, духа, мужского, похотливого, здесь нет.

Алла вошла в ванную. Вода хлынула, будто с радостью вырываясь из крана. Потом еле добралась до постели... И вот она почти заснула, а он входит без стука и говорит:

— Он любил её.

— Кто? — Алла с трудом шевелит губами.

— Он учил её любить.

— Кого?

VI

- Он научил её любить себя.
- А я?!
- В любви она искала отцовства.
- Нет!!! Это нельзя смешивать! Нет!!!
- Нежные ткани по нежнейшим ценам не желаете?
- При чём тут деньги?!
- Дети наши свободные и красивые, как элины. Она ручонками обхватывает его шею...

Теперь он от неё убегает, а карманы ему мешают. Вывернутые наизнанку карманы торчат, как уши. Она догоняет его на улице. Остренько привлечь внимание. Поэкономнее отделаться. Механическое заводное пианино, мёртвая натура...

Ещё не успела проснуться, а мысли выстреливают какими-то странными словами.

Но вот пришёл Тигран.

- Кто интеллигент? — спросила Алла.
- Интеллигент — это человек, который соответствует тем требованиям, которые предъявляет к другим. Я не интеллигент, — говорил Тигран. — А ты просто выковыриваешь изюм из булок. Вот твоё занятие.
- А твоё?
- Что ты чувствуешь, когда видишь своё лицо в газетах? — рассмеялся Тигран. — Это же для тебя своего рода витрина.
- Я смотрю на себя глазами профессионала, когда вижу лицо на витрине, — выдала Алла.
- У нас с тобой какая-то нерукоотворная схватка... — голос Тиграна.
- А ты какой-то неудобный осьминог. И пахнет от тебя не то рыбой, не то грибами, — это Алла.
- Осьминог-самка рождает один раз. И умирает. Из двухсот тысяч личинок выживает одна. Один осьминог.

Она хотела встать, но кто-то навалился на неё и шептал: «Не жди! Не жди!» Алла рванулась, сбросила тяжесть. И сознание вернулось, осветило всё вокруг, кошмар исчез — она окончательно проснулась. Тиграна рядом не было. Чтобы освободиться от тяжести сна, приняла холодный душ. Потом позвонила Фёдору Фёдоровичу. Но он был какой-то странный, не поговорил, не пошутил, не отвлек её от переживаний.

Фёдор Фёдорович положил телефонную трубку и вернулся на кухню. Он вдохнул запах грибного супа! Как он любил этот лесной дух! В нём тайга, молодость. Как много тогда было силы, каким светлым казалось будущее! А иногда в лесу, в тайге, питаться приходилось одними грибами. И этот грибной запах, как страсть охотника, как призыв к жизни, будоражил его.

— Что у тебя с этой журналисткой? — спросила Наина. — Я понимаю, на какое-то время новое чувство любопытно... — завела трудный разговор жена.

— Прости, Наина! Меня вогнали врачи в состояние какой-то прострации. Таблетки, уколы, вливания сердечные.

— Сердечные вливания? Ха! — грибной суп она сегодня варила сама. И вернулось к ней то состояние: и молодость, и ревность.

— Люблю грибной супчик, — он старался рассеять её мрачное настроение.

Жена возмущённо глянула на мужа:

— Уж если это чувство атрофировано, его вновь не обретёшь. С кем ты только не развлекался?!

— Мы не спим с тобой пятнадцать лет! — буркнул он.

— Но ведь ты говоришь, что тебе не надо?! — теперь она гневно уставилась на него.

Он молчал, опустив ложку в суп.

— Я устаю! Федя! Я болею! — кричала Наина. — У меня куча дел! Я ложусь спать после полуночи, когда ты уже спишь. Как тебе не стыдно, Федя!

— А ты разбуди меня. Ведь будила же раньше! — напомнил муж.

— Будить больного человека?! Федя! Я же о тебе забочусь! — Наина обожглась — суп с огня, и у неё проступили слезы. Она отбросила ложку и ушла.

Фёдор Фёдорович хотел зайти в комнату жены, но она закрылась — это была её излюбленная военная тактика.

К двери жалась собака. Они вместе глядели на дверь. Глаза собаки были грустные, словно больные. Она залаяла, но он погрозил ей пальцем и легонько оттолкнул от двери. Собака замолчала, но не ушла.

— Никакого счастья ты мне не дал! — доносило из-за двери. — Ты только эксплуатировал меня! Я рожала тебе детей! Я воспитывала их. Ты погубил меня, а теперь преклоняешься перед какой-то девчонкой. Она превращает пожилого человека в мальчика на побегушках! На моих глазах!

— Выходи, Наина! Хватит мучить друг друга. Пора любить... — Фёдор примирительно кашлянул.

— Всех мы встречали радостно и доброжелательно. Ты не можешь меня ни в чём упрекнуть.

— Родная, пожалуйста. Пожалей. У меня болит сердце.

— Ты её обольщаешь своими литературными связями... Твой друг из «Нового мира» обещал её напечатать? Но кто она? Почему они у тебя все такие ничтожные, что их можно запросто везде валить, бросать, бить? — когда Наина бранилась, она не давала ему возразить, перебить было невозможно, и в этом была её сила.

Он не слушал, просто молчал и ждал, когда она выговорится. И вот через полчаса стало тихо.

— Можно я скажу? — спросил он спокойно, чтобы не раздражать. — Ты всегда говорила, что, если я разойдусь с тобой, ты покончишь жизнь самоубийством. Но ведь мы живём. Ведь мы вместе. Давай будем добрее. Прости меня.

Жена вышла злобно-довольная, будто в победном сиянии, и направилась к телефону. Собака бежала следом за хозяйкой и лизала ей руку. Наина демонстративно уселась в кресло у телефона.

— Здравствуйте... Вы Анастасия? Очень приятно, — сказала Наина, маскируя раздражение подчёркнутой вежливостью. — Да. Я жена Фёдора Фёдоровича. Он просил позвонить вам и передать, чтобы вы ему больше не звонили, — женщина перенесла трубку к другому уху и мстительно посмотрела на мужа.

Фёдор Фёдорович подошёл поближе, но боялся перечить Наине, чтобы не выслушивать ещё один часовой скандал. Она приложила телефонную трубку к его уху. Он плюхнулся, словно упал, в соседнее кресло. Наина шустро вернула трубку себе:

— Я бы, конечно, не стала говорить вам, — (это «вам» у неё вышло уважительно, словно писала с большой буквы), — если бы не просьба Феди, моего мужа. Вы мне можете ничего не говорить, я всё знаю. Он уничтожает женщин. Помните, что я вам сказала! Сейчас я спрошу, есть ли у него время для разговора с вами, — передала ему трубку, scomандовала: — Говори.

Фёдор Фёдорович очумело смотрел на жену.

— Зачем тебе надо унижить другую женщину? — он прервал телефонную связь.

— Мне надо унижить другую женщину?! — снова не на шутку заводилась жена. — Ну и нахал! Скольких растоптал твой папа! Вы живёте за счёт женщин! Вы женские вампиры!

— Папа никогда их не унижал. А кто не ошибается? — пытался спокойно возразить Фёдор.

Наина сверкнула глазами:

— Он только и делал, что ошибался. У него было четыре жены! И все — по ошибке?

— Папа мой умер! — Фёдор положил руку на сердце и закрыл глаза. — Анастасию не трожь, пожалуйста.

Наина пошла на кухню.

VII

Анастасия шла по крутому спуску к реке. Свежее утро холодит, радует, как новый день новой жизни. И всё вокруг в каком-то восторге, словно пришло время любить. Но почему-то солёные губы...

Навстречу в гору поднимался ветхий старик в одежде царя и девица. Ветер развеивал его седые волосы. Анастасия удивлённо вглядывалась в странного пришельца. Царь был очень стар. Ависага шла с ним рядом и несла его чёрный плащ, прислуживала царю. Но вдруг подул сильный ветер, поднялся столбом, закружил всё, и никого не стало: ни старика, ни девицы...

Анастасия ходила от киоска к киоску, прохожие женщины и девушки казались ей наложницами. Лимоны, пиво, соки, минеральные воды... По кольцевому шоссе выстроились машины. Вот шесть огромных рефрижераторов замерли. И вдруг, взревев, одновременно двинулись.

Анастасия ждала Фёдора Фёдоровича, но его всё не было.

А Фёдор Фёдорович тем временем встретился по дороге со своим старым другом. Хотелось пропустить по маленькой, но пересилил старую привычку. Он сказал, что его ждёт женщина. Друг улыбнулся. Нет, не усмехнулся, не посмеялся, он улыбнулся по-доброму, с пониманием: вот, мол, и на закатном горизонте звёздочка сверкнёт... Фёдор Фёдорович опаздывал уже на десять минут. Трамвай остановился на другой стороне дороги. И вдруг он увидел её. Она стояла около трамвая. Хотел перейти, но поток машин мешал ему, и зелёный свет никак не загорался. Он видел, что Анастасия стояла в раздумье и вдруг быстро села в трамвай... Трамвай не трогался.

Фёдор Фёдорович кинулся бежать наперерез машинам. Он бежал, спешил, задыхался и махал перед собой рукой, словно разгоняя машины. Старик метался в потоке машин. — «Она уйдет, если я не догоню, — думал он. — Наедине со мной ей хорошо». Он это знал... «Она их, а не меня стыдится. Я сделаю для нее всё. «Чего ты хочешь?» — спрошу я и выполню все её желания. — На плёсы! Турция! Италия! Париж! Что? Чего ты больше всего хочешь?»

Вагоновожатый, увидев бегущего старика, ждал. Он вспомнил отца. Вдруг над дорогой взвился смертельный вихрь. Завизжали, застонали тормоза. «Volkswagen» выскочил на встречное движение. Старика ударило, подбросило на капот. Швырнуло на мостовую. Дорога замерла. Красный, жёлтый, зелёный...

Трамвайный вагон судорожно задрожал и стал медленно двигаться вниз под железобетонный мост автострады.

— Откройте! — кинулась Анастасия к двустворчатой двери. — Остановите!

— Куда?! — приблизил к ней сморщенное лицо пьяненький мужичок, болтаясь на ступеньках. — Всё! Едем на наш берег. Прытко бегают — так часто падают.

— Остановите! — растопыренными пальцами она давила на узкое стекло двери. — Выпустите меня!

— Нет уж, — успокаивал болтающийся во

хмелю пассажир. — Не спеши, коза, все волки твои будут.

— Выпустите меня! Откройте!

— Как же выпустить?! Не мельтеши, а то и шапки с головы ухватить не успеешь.

Она нажала кнопку над дверью.

— Это же общий вагон! — издевательски хотел пьяный. — Прицеп, обоз, мотаня...

Она затихла: перед глазами возник зелёный паук — время опять перестало течь плавно.

Две ночи к Анастасии приходит одно и то же сновидение: она и Павлик бегут, бегут, а Фёдор Фёдорович их догоняет и кричит из последних сил, что они бегут не туда, что там они попадут в паутину, что там номенклатурный капитализм. Старик бежит, спотыкается, руку выставил вперёд.

А в эту ночь Анастасии приснился ещё более странный сон. Будто подходит Фёдор Фёдорович к маленькому деревянному сарайчику. Вынимает связку ключей и отмычку. Открывает. Входит. И вдруг высунул голову и машет рукой Анастасии. А в сарайчике — банька с паутиной по углам. Раздевается Фёдор Фёдорович. И пауком лезет наверх. Над тазиком цинковым завис, трёт, раскручивает что-то. И паутина вокруг тазика обвилась, зелёная, и будто ветром её сдувает. «Уж не сон ли это?» — пытается разобраться Анастасия и хочет проснуться. Открывает глаза, а над нею — Фёдор Фёдорович.

— Для тебя и для него, — тычет корявым пальцем в них.

Анастасия оглядывается. В чёрном проёме двери стоит Павлик в милицейской пилотке и курит.

Старик спрашивает:

— Что? Арест? Наручники принёс?

И сын падает на зелёную паутину.

«Кто поверит мне, если я начну рассказывать, — холодеет от страха Анастасия. — Надо отсюда скорее уйти». А зелёная паутина, как водоросли, вяжет ноги.

— Я вас когда-то уважала, — шепчет Анастасия.

— А теперь? — смеётся старик-паук.

— А теперь... Я вас больше не уважаю.

— Тихо! — приложил к губам корявый палец, как паук косиножку. — Я так богат, что, боюсь,

это сон. Я всю жизнь не мог никуда скрыться от бедности.

— Если ты знаешь, что это сон, что ты не паук, то зачем же ты стараешься удержать эту пустую видимость?

— Не бойся. Сновидения крылаты...

— Сон ограничен областью сна. Отпустите меня!

— Не кричи! Ты без меня пропадёшь! — паук смеётся хриплым смехом старика и хочет когрявой косяножкой зацепить её. И вот срывается и падает. И зелёная паутина вьётся, вьётся, затягивает в кокон.

Ночное небо до краёв наполнилось звёздами. Огни города празднично освещали всё на земле. И только в колодце стен сгрудилась мгла среди кирпича и бетона, как среди горных расщелин. В глубине извилистых улиц мигают машины. Алла стоит на балконе шестого этажа. Ей хочется улететь к звёздам, ей кажется, что свет их ближе, чем свет окон светящегося бара. Улететь. Пусть ищут. Только маму жалко... Девушка оглянулась на дверь балкона. Прислушалась. Там слышен был только телевизор. А тут, на балконе, — машины шуршат шинами и светит круглая луна, как окно иллюминатора. Может быть, мы летим и Земля — это космический корабль?.. И куда мы летим? Говорят, что Земля тоже была солнцем, а потом остыла. Холодно.

— Аллочка! Детка! — раздался голос за дверью.

Это голос дяди Андрея.

Девушка промолчала.

— Ты так красиво танцуешь... Приди, потанцуй, почитай мне стихи, Аллочка. Я буду тебя слушать... про лёгкое дыхание. У нас с тобой так красиво начиналось... Что ты испугалась, глупышка?

У девушки перехватило дыхание, голос прозвучал как чужой:

— Это не стихи... Это новелла Ивана Бунина!

— Аллочка, ты так танцуешь! Пожалуйста! Я хочу видеть танец живота. Когда я был молодой, так не танцевали. У нас, знаешь, был шейк и твист. У тебя есть такая полоска загорелая, между брюками и блузкой. — Он приблизился к двери балкона: «О, огонь моих чресл!..» — стучал в стекло, словно в бреду.

Она отходит дальше, дальше...

И просыпается, переходит из безвременья сна в реальную жизнь. Мелькнула отчётливо одна мысль: зачем они ей — Тигран, Фёдор? Что в них? Разве нельзя жить без мужчин?

VIII

Вечерело. Всё ярче полная луна в городском мутно-зелёном небе. Оставаться одному не было сил. Тигран купил бутылку коньяку и направился к Полякову. Он с удивлением поймал себя на любовном волнении. Но почему он волнуется по поводу этой сорокалетней женщины, которая дала ему денег?

Фёдор Фёдорович встретил Тиграна приветливо, с любопытным ожиданием. Жена была на даче, и можно было устроить мальчишник на всю ночь.

— Ты видел фанагорийский сосуд? — спросил вдруг Фёдор Фёдорович. — Какие полнотельные танцовщицы его украшают, заметил? В лунном свете рамадана... По случаю отъезда Наины выпьем! А ты знаешь, что пять килограммов золота жених дарил невесте на свадьбу? Это их вдовья доля была.

— Укрощение строптивой вспомнил? — Когда Тигран улыбается, он похож на армянина.

— Съездить бы куда-нибудь за хорошим настроением! Пойдем, Тигран, на охоту! На тигров! — Поляков-мечтатель улыбался.

— Надоело в тихой гавани сидеть... Красный флаг поднять! — Тигран, дурачась, чеканит слова.

— А почему красный? — Фёдор Фёдорович плеснул себе и гостю ещё коньяку.

— У арабов красный флаг предупреждает своих о шторме. Значит, не плавать!

Учителю приятно, когда ученик к нему возвращается. Может, в этом возвращении и есть благодарность?..

— Старик и девочка... Танец на шаре! — Тигран пьянел, распахивать душу хотелось шире и шире. — Она нам, мужикам, всё это простить не может.

— Кто? — опьяневший Поляков поднял бровь.

— Алка.

— А-а... Так в этом деле Асяк — чистый Рубенс, вакханалист, — засмеялся по-стариковски Фёдор. — Я был с Асяком в бане... Ха-ха! У него на левой ноге — копыто. Ха-ха!

— Сексуальное недомогание у него, — брезгливо наморщив нос, Тигран хохотнул.

Фёдор придвинулся поближе и нехорошо ухмыльнулся:

— Кофе, булочку и семнадцать лет дурочку. Ты мне сказки про гусей-лебедей не сказывай! Ты чётко, чёрт возьми, скажи! Что это «всё»? Скажи как мужик мужику.

— Возьму и женюсь! — вдруг уронил голову на руки Тигран.

Лунный вытянуто-кошачий глаз заглянул в окно.

— Ну, Алла! Ну, Тараканова! Ну, молодец! Такого Тиграна приватизировала! — Фёдор одобрительно похлопал гостя по плечу.

Тигран встал, подошёл к окну. Закурил. Луна не даёт света, только отражает его. Слепая планета. Тени теней...

— Алла Павловна, берегись! Сосватал-таки! — потирал руки Фёдор Фёдорович. — Вот вам и авантюрные «Розы» Дали.

— «Кровоточивые розы», — поправил Тигран. Репродукция этой картины висела у него над кроватью.

Фёдор прикрыл глаза, он изрядно опьянел, потому откинулся на спинку кресла. Ему в этой жизни нравилось решать проблемы глобальные, судьбоносные. Это только кажется, что большие политики правят миром, на самом деле маленькие люди правят большими политиками. Вот как бы ещё уладить с Аллой и Мариной...

«Какая девочка, какая девочка! Услышать бы её голосок — и ничего в жизни не надо. Марина! Это я, твой дядя Федя. Нет... Что?! Как я могу!!! Могу лишь только мечтать прикоснуться к твоим изумительным пальчикам... Нет! Нет! Прости, дорогая. Не буду! Я старый болтун. Но мне никто не запретит играть с тобой мысленно...»

IX

Марина так увлеклась записыванием в дневник своих мыслей и переживаний, что уже не могла без этого. Раньше дневник

начинался вместе с началом нового учебного года, теперь странички делились на события.

«Сегодня сомневаюсь во всём. Думается, что мне только кажется, а на самом деле всё по-другому. Мысли путаются. Опять неизвестность. Думать, думать и не находить выхода...

Время показывает и в то же время подсказывает новый путь, первый у меня и самостоятельный. Но почему такая неопределённость? Проходить мимо Алёши и казаться равнодушной? Чехов в рассказе «О любви» говорит, что любить надо просто, ни о чём не думая и не задавая вопросов. А без вопросов у меня не получается, многое непонятно, невозможно разобраться одной. Наверное, Алёше надоело или просто всё прошло.»

Марина положила на диван подушку и легла, подсунув тёплую ладонку под щёку. «Вот только со мной что-то не всё в порядке. Мало того, что людям кажется, будто я вот-вот заплачу, но и те, которые на меня смотрят, кажется, сами вот-вот заплачут...»

«Настроение... странное. Про всё забыла. Вспомнила про уроки, но уже поздно.

Поднялась. Попробовала читать — не получилось. Нарисовала небольшую картинку: тёмное ночное небо, две звезды — одна побольше, как бы поближе, другая поменьше, между ними — свет, Млечный путь. Только два цвета: жёлтый и чёрный.

Пусть бы мне кто-нибудь рассказал, что со мной происходит, что вокруг, а то ведь сама ничего не могу понять...»

На следующий день Марина напряжённо разглядывала людей на противоположной стороне проспекта.

— Хочу его увидеть, — Марина позвонила Наташе.

— Позвони ему и скажи.

— Я не могу... — Маринка вздохнула.

— Но как будто всё изменилось у вас. А почему ты не можешь?

— Как будто что-то опять под угрозой. Но везде своё «но».

— Что «но»? Марина, что ты опять напридумывала? — Наташа теряла терпение.

— Когда он меня видит, весь меняется... Даже не знаю, как объяснить... Взгляд, наверное,

другой. Кажется, я только недавно поняла, что это значит. Сначала подозревала, что кто-то от скуки даже прикалывается. Но всё не так. По себе чувствую.

— Начитались психологии, а чувствовать не могут, — Наташа поддела.

— Надо знать, когда можно рассказать о своих проблемах, а когда не надо, когда это выводит, надоедает, — рассуждал в трубке Маринкин голос.

— Ну погадай!

Странная это вещь — гадание. Сбудется — не сбудется? И «голос дрожит», и «настроения нет».

Пауза.

Наконец отозвалась Марина:

— Он не позвонит.

— На улице, наверно, очень холодно... — предположила Наташа.

— Не очень.

— А может быть, он «болеет»?

— Он ужасный человек! Я не могу так жить! — Марина возбуждённо звенела в трубке. — Так пусть он найдёт меня на этой земле и пусть себя настоящего обретёт, сильного и нежного! Пусть перестанет притворяться безразличным, ведь чувства его сильны!

— Ты стала невозможной! — не выдержала Наташа. — Хочешь — давай встретимся у фонтана.

Марина к фонтану не пошла. Открыла свой девичий дневник — быть наедине с чистым листом бумаги — как быть на исповеди. Ей стало это уже необходимо, словно воздух.

«Меня должны волновать её проблемы, а мои её — ни в коем случае. Я же не знаю главного. Ужасное настроение. Хочу сейчас поговорить только с одним человеком, с одним. Хочется гулять, пока не станет холодно. Пошла в читальный зал, писала доклад к уроку. Читала, а между строчками видела... совсем другое. Алёшу, и невозможно было долго сидеть, что-то мешает, мысли не слушаются. Из библиотеки пошла в противоположную сторону от дома. Увидела Алёшу. Станный взгляд, недоверчивый какой-то».

И вдруг к ним домой пришла очень худенькая женщина в очках. Мама познакомила Ма-

рину с Ираидой. Та сказала, что проведёт несколько занятий по психологии. Это стоит дорого и далеко не каждой девочке доступны эти знания и умения. Марине не хотелось заниматься, поэтому она попросила Ираиду перенести занятие.

Она опять позвонила Наташе на мобильный. Та уже вышла прогуляться.

— Ты у фонтана?

— А что, Марин? Надумала?

— Я не смогу прожить без него ни дня...

— Без кого?

— Без Алёши.

— Да их тут знаешь сколько! — в телефоне слышны были чужие голоса. — Вот, кажется, и он... Я говорила ему, чтобы он тебе позвонил.

— Лучшего, наверно, я и ожидать не могла. До сих пор не верится, и голова кругом. Короче, мы помирились. Я рада! — Маринка воодушевилась. — Не люблю обижаться, тем более на людей, которые мне очень нравятся. И всё хорошо. Я так счастлива!

X

Ираида решила создать психологическую картину новых русских. И она нашла способ, как войти в такую семью. Составила список из ста человек, посмотрела, кто может ей пригодиться. В этом списке была Анастасия, через неё вошла в круг пишущих людей, которые знали больше того, что им разрешалось публиковать.

Через Анастасию Ираиде удалось узнать и о дочери Аллы Павловны. Теперь её пригласили дать десять уроков по психологии для Марины. Сама идея была приемлемой. Ираида начала обдумывать план занятий. Тренинги. Беседы. О психологии она могла говорить с кем угодно. Важно завоевать доверие девочки. А еще важнее стать нужным человеком в доме Таракановой. Ираида знала уже многих, и психологическая картина жизни женщины высшего света была ей виднее.

Но сегодня Ираида встретится с историком, ей необходимо пояснение к статье «Наследственная деформация социальных структур России». Нужно встретиться также с Анастасией, да ещё урок с дочкой Таракановой.

— Если подсознание быстрее и точнее выдаёт нужную информацию, то что же тогда сознание, философия, история, медицина? — спросила она историка Петра Никитича.

— «Блаженны нищие духом», — снисходительно улыбнулся Пётр Никитич.

— В чём же ваша идея? — с неженским интересом спрашивала она.

— Идея? Создание государства на государственной основе. В монархии было больше государственности, чем у нас теперь И Гарик, может быть, прав. Ему виднее было из-за океана. У нас ведь не государство, а общество.

— «Блаженны нищие духом, ибо им откровения Царствие небесное». Нищий духом — это тот, кто живёт подсознанием и не имеет дерзости проверять своим сознанием законы мироздания, — рассуждала Ираида.

Пётр Никитич удивлённо поднял бровь:

— А почему вас, собственно, интересует социальная деформация типов поведения людей? Какова ваша идея?

— Исследование, психологическое исследование — это моя профессия, — не без гордости сказала Ираида. — А исследование генезиса социальных структур и формирование под их влиянием массовидных типов личности позволяет понять глубинные причины нашего сегодняшнего кризиса. И что вы на это скажете?

— Какие законы заставляют людей гнуться, терять свое достоинство? Не люблю лакеев, — историк пренебрежительно поморщился, — извините меня, товарищи лакеи.

— Я не лакейка! — вспыхнула Ираида, приняв на свой счёт.

— Когда говорят о насаждаемой в сталинские времена «психологии винтиков», то сразу же возникает вопрос: почему вообще концепты тоталитарной системы были реализованы на русском субстрате? Не потому ли, что основные элементы социальной системы обладали некоторыми заранее заданными свойствами?

— Какими? — она быстро записывала в блокнот.

— К ранним детерминантам нашей истории надо обращаться! И сравнивать их с такими же исходными детерминантами развитых западных демократий. Западноευропейская цивилизация формировалась на основе древнегре-

ческой философии демократических полисов, городов-республик, отношений феодалов и вассалов, независимости католической церкви от светской власти.

— Это тоже условная независимость, — возразила Ираида как психолог.

— ...Проявления инакомыслия в протестантском реформаторстве были совсем другого рода. Русскую историю формировали византийская теократия... и... — Пётр Никитич подыскивал верные слова. — Византийская теократия и татарская автократия...

— Византийская теократия и татарская аристократия, — тут же перефразировала Ираида, улыбаясь.

Историк продолжал:

— Психология служилого дворянства... Изучали... Это всего лишь дворовые люди, лакеи (как вы говорите), которым князья дарили уголья. А массы крестьянства с их вековой традицией терпения и послушания! Прошлое прорастает в будущее. Автократические, монархические, суверенные традиции, неразвитость личного начала обеспечивали покорность... И мы видим эти дикие ростки сейчас.

— Революция — это насильственная деформация личности... — выразила свою точку зрения Ираида. — Инерциальность нравственных особенностей личности и инвариантность социальных структур стоят на пути всяких перемен.

— Но в замедленности, может, и скрыто спасение? — улыбнулся историк. — Ускорение эволюции — быть может, это губительно для мозга, как атомная цепная реакция. Неконтролируемое сознание — это просто сумасшествие.

Ираида слушала, не всё понимая, но надеясь на точность диктофона. Плёнка закончилась, она закруглила беседу. Ираида привыкла работать с диктофоном, хотя и писала в блокнот кое-что. Она ушла от историка, попросив назначить время для нового разговора.

Вторая встреча в тот же день была с Анастасией. На всякий случай Ираида ей позвонила, чтобы подтвердить договорённость. Но телефон, дважды издав гудки, вдруг отключился — вероятно, Анастасия передумала.

XI

Анастасия посмотрела на высветившийся номер на сотовом телефоне и вырубил его.

На кладбище среди молодых изумрудно-зелёных сосен вырыта могила. Земля — сажа газовая на палитре золочёной хвои.

Стоят, дожидаясь, два чёрных джипа и белый «Москвич» вдалеке.

Человек в гробу совершал последний путь. До зияющей черноты могилы — несколько шагов.

Старший сын Фёдора Фёдоровича Валера, шупленький, маленького роста, шёл сзади, он очень был похож на отца и странно выделялся в похоронной процессии.

Анастасия хотела подойти, когда закончат прощаться. Но дерзкая решительность журналиста покинула её. На минуту она замерла, чтобы не делать последнего шага, но тут что-то поднялось изнутри, и она осмелела. Не по своей воле, а вело что-то. Тот, кто ещё был открыт для последнего прощального слова, ждал её.

— Я прошу вас... — перед ней вырос Павлик, — я прошу вас не подходить к гробу, — голос его срывался в угрожающий шёпот. — Здесь моя мать. Уходите. Здесь не надо вам быть. Это не плёсы.

— Я понимаю. У меня тоже месяц назад умер отец, — тихо ответила Анастасия.

«Но почему он живой никому не был нужен?» — хотела спросить она сына, невестку, жену. Какой тяжкий ком! Боль сдавила горло. Зачем говорить о том, что все знают?

Вот он отошёл, вот встал рядом с братом. И брат, и Павлик, и женщина повернулись и посмотрели на Анастасию. Официозность похорон рухнула.

Захлёбывающийся женский вскрик разорвал тишину.

Бабы заголосили.

Анастасия не могла уйти. Смерть, запутавшаяся в колючих иголках сосен, отнимала силу, гасила волю. Земля под ней шевельнулась и стала опускаться.

— ...У богатого чёрт качает детей.

Анастасия очнулась — перед ней стояла нищенка, старуха не старуха, женщина без возраста. В глубоких глазницах — темнота, уста-

лость и озлобленность. Нищенка во всём чёрном, сторбившаяся и тощая, пугающая, как смерть, подошла, потом нагнулась, что-то подняла возле её ног. Завернула в мятую газету, сунула в замусоленную котомку.

— Бабушка, сколько вам лет? — спросила Анастасия, чтобы стряхнуть с себя наваждение могильного леса.

— У живых не спрашивают. Больше своего времени никто не проживёт, — нищенка подошла ещё ближе и заглянула в лицо, словно хотела узнать. — А помрём — так люди скажут, сколько нам было лет. У тебя имя-то есть?

Анастасия удивилась, зачем этой странной женщине её имя.

— Что молчишь? Забыла, как тебя зовут? Имя-то ты своё знаешь? Как мать тебя звала?

— Аннушка, — соврала журналистка. — А вас?

— А меня Маруся, — и вдруг рассмеялась, по-детски прикрывая рукой рот.

— Мария, вот возьмите немного денег, — Анастасия торопливо полезла в сумочку.

— Мне от тебя ничего не надо, сестра. Ты ведь беднее меня.

Нищенка говорила, говорила, подошла к чёрному джипу и стала креститься на него.

Анастасия смотрела на неё и ничего не понимала, вдруг обернулась — к ней подходила высокая женщина.

— Вы что, не понимаете, что вам здесь не место! — плотная женщина смотрела рыбьим взглядом. — Не будем интермедии разыгрывать.

— Жизнь не игра. Я вас не знаю...

— Я Иоланта! — победно ухмыльнулась, эта улыбка на кладбище отдавала чем-то ещё более мрачным, чем пустые глаза старухи.

— Иоланта? Жена старшего сына?

— На халяву хотела прожить?! Подцепила старика. Не так просто ты ведь ему прислуживала?! Уходи!

— Я не могу уйти так, — прошептала Анастасия, глядя в окаменевшие рыбы глаза. — Меня здесь никто не знает. Не будь жестокой.

— Если вы подойдёте к гробу, мой муж за себя не ручается.

— Он спас мне жизнь. Я любила его! — Анастасии хотелось кричать.

— Любила? Убила! Да! Это твоё био убило его! Ависага-целительница! — и она как-то не-

естественно, страшно рассмеялась. — «И ска-
зали ему слуги его: и будет тепло господину
нашему царю».

Напряжённо смотрел на них Павлик. Огля-
нулся и опустил голову ещё ниже старший сын.
Между сыновьями, повиснув на их руках, очень
полная, совсем безвольная, плакала их мать.

— Трудно идти против рожна! — неожиданно
явилась чёрная нищенка Мария. — Смейтесь!
Смерть голову откусит — всех поравняет! —
она зловеще-костлявой рукой раскручивала
засаленную котомку с чем-то тяжелым на дне.
— Чешуя у тебя на глазах! Вот ты никого и не
видишь.

Когда все покинули кладбище, Анастасия
упала на колени на свежий холм. Страшные
страдания сокрушили её, она плакала от
собственной беспомощности и какой-то ещё
не совсем понятной вины перед всеми.

Вдруг кто-то тронул её за плечо.

— Время — деньги. Едем! — перед ней стоял
водитель белого «Москвича». — Ты просила
подождать. Замёрзнешь. Поехали.

— Спасибо. Простите меня. — Анастасия вы-
нула все деньги, что были с собой, и протяну-
ла ему. — Вот.

— Многовато за похороны. Я возьму на бен-
зин, а остальное себе оставь. Спонсора похо-
ронила? Деньги не трать. Как тебя зовут-то?

— Ависага, — и печально улыбнулась, словно
осиял ей свет с неба.

— Как?! — взглянул на молодую женщину
настороженно. — Что-то не слыхал, чтобы рус-
скую так звали.

Нищенка стояла недалеко от машины и за-
пихивала гвоздики в котомку:

— Знать, будем мы и на том свете на бар слу-
жить: они будут в котле кипеть, а мы дрова
подкладывать! — и рассмеялась зловеще, как
смерть.

— Эй, Маруся, садись! — махнул ей водитель.
— И тебя вывезу!

— Господи! — истошно закричала нищая. —
Господи Иисусе! Прииди! Очисти ны от вся-
кия скверны! — и пошла от машины в сторону.

— Вы знаете её? — удивилась Анастасия.

— Её все знают. Маруся — богомолка. Гово-
рят, юродивая она. Но предсказывает, проро-
чит, дар такой у неё от Бога.

Водитель выжал сцепление, включил пер-
вую передачу, дал газу — машина тронулась.
Молодые сосны низко опускали ветви, засло-
няя собой и холмики, и кресты, и чёрных по-
минальных ворон, и старуху, сжившуюся с
кладбищенской нищетой. Машина мчится по
загородному шоссе, как электричка: быстро
унося из одного мира в другой.

XII

Гарика всё чаще видели по электричкам. Он
стал похож на юродивого, который несёт
невесты что и даже пророчествует. Но насмеш-
ки людей его нисколько не смущали: он поз-
навал жизнь сполна, как она есть. Он любил
этот народ в электричках, но люди его не по-
нимали и относились к нему с едкой насмеш-
кой. Теперь он стал подобен не американцу, а
Иванушке-дурачку, только какого-то нового
склада. Спина его словно искривилась, волос
стал грязно-пепельный, и косая сажень в пле-
чах поуменьшилась, борода превратилась в
бородищу. Стали его видеть пьяненьким. Ди-
вились знакомые и не верили, ведь был-то
чистый американец, с акцентом говорил.
Мать его, Алису Исааковну, по-прежнему
приглашали старые знакомые, она всё ещё
продолжала чувствовать себя американкой.
Чем дольше Гарик жил на Журавлино, тем
привычнее его рыжая борода становилась для
мужиков и баб. Но близко он ни с кем не со-
шёлся. Он бережно хранил вид на жительство
в Штатах, хотя вряд ли для кого-то здесь это
представляло ценность. Его легче было бы
признать ненормальным, чем принять за ре-
альность то, что он говорил.

Когда рассказывал о причудах русских мо-
нархистов в Америке, Гарик привлекал любо-
пытные глаза к своей рыжей бороде.

Он первым прыгнул в вагон электрички.
Уселся и сразу обрёл собеседника.

— С шестого класса политинформацию я сам
проводил, — Гарик выставил перед собой вы-
сокие американские ботинки. — Один. Учи-
тельница только давала тему. Я сегодня видел
кошмарный сон...

— У меня своя политика! — сказал мужик,
щурясь, поправил кепку.

— Я застрял на монархизме! В Америке меня публиковал один монархический журнал...

— Дай тебе бабу, и ты про свою политику забудешь, с какой буквы она начинается, — перебил мужик в кепке.

— Политика — это жизнь! — возмутился Гарик. — У меня была женщина! Я даже хотел жениться! Но нельзя смешивать политику с женщинами.

— Я говорю: тебе бабу надо! А ты... Женщины!!! — мужик надвинул кепку на глаза и стал похож на Ленина. Мужик, как и миллионы советских граждан, работал на заводе, был простым советским работягой. Но вдруг заводы начали останавливаться, и простых советских работяг выгоняли на улицу, невзирая ни на семьи, ни на трудовой стаж.

— Надо думать сначала о политике, а потом о женщине.

— А меня выкинули с завода, до пенсии не дали доработать четыре года! Политика! А жрать что? Чем бабу с детьми кормить?

Вошли контролёры с двух концов вагона. Стали сходиться к середине, не пропуская никого к выходу.

— Предъявите билетки! — подходит контролёр к Гарику. — Ваш билет!

— У меня нет билета, я эмигрант, — громко говорит Гарик. — Извините! Я недавно вернулся из Нью-Йорка.

— Я тоже вчера из Парижа! — грубо обрывает его контролёр. — Билет давай! Есть билет, спрашиваю?!

— У меня нет билета. Я ещё не устроился на работу...

— Ходи пешком! Ногами работай! Я тебя что? Водить должен?! — гневно смотрит в его рыжую бороду контролёр. — Выходи или плати штраф!

— Я же объясняю вам, что я из Нью-Йорка...

— Не надо мне ничего объяснять! Живи в Америке! Зачем сюда приехал?!

— Жениться.

— Как? — рассмеялся контролёр. — Там что, в Нью-Йорке, баб нет?

— Такой, как мне нужна, нет.

— Важная птица! Ты билет купи! Бабу ему! Если сюда приехал, то плати здесь, как положено!

— Да бросьте его! — вмешивается сосед в кепочке. — У него с головой не всё в порядке... Что с него взять?

— Ньюйоркер! — Контролёр крутит пальцем у виска и отходит от Гарика. — Доездили... Если не выйдешь на следующей остановке, вернёмся, сдадим ментам.

Гарик нервно оглядывается и молчит. Контролёр выходит, а ньюйоркер едет дальше. Вот он рассуждает уже о камнях, которые благоприятствуют людям, рождённым под знаком Льва. Он уверяет, что у него есть алмаз двенадцатигранный бледно-жёлтый. Хотя камень не ярко окрашен и не прозрачен, он ему дал индивидуальное название:

— Мой алмаз похож на розу.

Все смеются.

— Это не из тех, что вставлен в скипетр русских царей? — улыбается сосед в кепочке.

— Вы знаете, каким был трон великих моголов?

— Не знаем, — отвечает за всех мужик.

— Украшение на балдахине — алмаз в девяносто карат, а кругом — рубины и изумруды. Оно находилось перед троном и перед глазами властелина моголов! Это великий талисман.

Электричка остановилась, ньюйоркер выскочил и бежит. Народ в электричке замер. Человек в кепочке прильнул к стеклу и кричит:

— Стой! Стой! Куда?!

Гарик падает, ударяется головой о рельс и не шевелится.

Пассажиры замерли.

Электричка трогается.

И тут же в окнах начинают мелькать вагоны встречного поезда, товарняк шёл на полном ходу.

— Огради мя, Господи, силою Честного животворящего твоего креста и сохрани мя от всякого зла, — под колёсный стук произносит мужик в кепке и крестится.

XIII

Время для Аллы Таракановой перестало двигаться по прямой — теперь оно стало вращаться по спирали. Ждать, когда повзрослеет дочь, бессмысленно, — дочь не перестанет быть дочерью. Время не даёт ясности. Оно ха-

отично. Всё смешалось: прошлое, настоящее, будущее.

— Ты меня не хотела! — рассердилась Марина на маму.

— Я тебя любила больше, чем твоего отца, — упрекнула она дочь.

— Я тебе всегда мешала!

— Возможно.

— Я виновата?

— Я тебя люблю сильнее всех... Это правда. Мне нужно ехать в командировку... В Испанию. Я хочу быть за тебя спокойной...

Алла боялась этих прямых разговоров с дочкой. И вот, вернувшись после месячной командировки, она увидела всю ситуацию другими глазами.

Она поговорила с Ираидой, и та ей тоже кое-что объяснила.

Нужно было принимать решение. Больше так продолжаться не могло. Утром они вышли из дома вместе: Алла, Марк и Марина. Алла почувствовала особую решительность.

Марк шёл рядом. Потом они остановились, словно все чего-то ждали.

— Извинись перед Мариной! — Алла смотрела на Марка в упор.

Дочь теперь стояла за её спиной.

— Что?! — Марк кривил губы в усмешке. — Что такое?!

— Я должна знать, что ты к ней не придёшь, когда я уеду. Извинись!

— За что?!

— Ты знаешь!

— Это твои фантазии!

Марк, как Крошка Цахес, становился маленьким и безобразным.

— Марина! — мать повернулась и смотрела дочери в лицо. — Было или не было? Ответь!

— Ты знаешь! — Марина опустила голову.

Алла, задыхаясь от ненависти, ударила его по лицу. Стёрла с лица его кривую улыбку, сдёрнула маску. Так спускают курок на дуэли. Удар — выстрел. «Эх ты, Крошка Цахес! В глазах твоих — испуг, а в моих — сила. Ты слаб и ничтожен, насильник! Ты жалок, соблазнитель! Ты отвратителен, растлитель! Ты смешон! Я сорвала маску, которой ты прикрывался!» В это мгновение её сила была в его страхе. Она повернулась, чтобы уйти. И вдру! Боль! Удар... Удар в спину?

Уйти! И дочь увести!

Дома Алла Павловна сняла кофточку и попросила дочку посмотреть, что там у неё на спине. Запёкшаяся кровь, словно вонзили иглу... Телефон, телевизор, свет — всё переставало иметь значение.

— Марина, ты выйдешь замуж, у тебя будут свои дети... Тогда ты меня поймёшь. Марина, это я виновата...

— Пусть все сохраняют спокойствие... Я замуж выходить не буду! Уехать бы...

— Куда? Ты хочешь уехать? А я? Куда?

Дочь ушла, а Алла Павловна не находила себе места. Как выдержать такое испытание? Как выдержать? Всё — обман! Жизнь — ловушка. Сколько бы ни было денег, от зла жизни откупиться невозможно... Деньги как будто притягивают зло. Деньги — магнит. Ничего вечного нет. Нет и святого. Всё — игра! Все друг друга мягко ругают. Всё вокруг — сдержанный шик. Кто она? Женщина-львица с крыльями ангела? Что за напиток в её сосуде между крыльев? Фанагорийский сосуд. Полнотелье танцовщицы. «Я Морской Пегас. Самка покидает самца после спаривания. Ты Морской Пегас. Я не удерживаю и не тороплю». Алле хочется расслабиться, пьёт вино, но алкоголь не действует. С кем об этом можно поговорить? Ираида? Психолог? Надо посоветоваться с Тиграном.

— Я ведь как-то давно писала стихи... Говорили, неплохие, — позвонила она Зайцеву. — Когда ездить начала, увидела, как люди в других странах живут — я другим человеком захотела стать. В двадцать два года Есенин объехал всю Европу. Всю! И Францию, и Германию, и Бельгию, и Италию. Четыре месяца был в США с Дункан. Потом — Кавказ. И — смерть.

— Где ты ещё хочешь побывать? — сдержанно спросил Тигран, чувствуя, что с Аллой что-то случилось.

— Я слышу голоса людей, которых нет, — призналась она. — Я никуда не могу от себя скрыться... от этого. У меня проблемы с дочерью. Она стала убегать из дома... Почему? Ведь в доме всё для неё... Почему она не доверяет мне? Если не мне, то кому она может довериться?!

— На Востоке культ собственных детей. Мы ведь Восток, да? Никогда не хлопнут мальчишку, что бы он ни натворил. Марину избаловали. Ты зря так волнуешься, в её годы всё быстро забывается. Новые впечатления вытесняют старые.

— У меня единственная дочь... Она — это я в будущем... — Алла как будто даже всхлипнула.

— Эх вы, телепузики! — пытался шутить Тигран. — Адреналиновый шок? От страха мерещится чёрная рука? Вот она сжимает сердце. Мне приехать?

— Я сама должна решить... Если я не решу сама, то всё повторится... Тигран, — Алла перешла на шёпот, — он пришёл... Я тебе позволю позже.

И вот явился Марк. В доме были Алла и домработница.

— Уходи, — сказала ему Алла как-то очень спокойно. — Уходи!

— Ты же видишь, я собираю вещи, — он говорил ровно, будто ничего не произошло. — Сейчас приедет машина.

Однако его расширенные зрачки выдавали страх. Руки не дрожали, а как-то поджались, словно лапки у паука.

Алла стояла у двери, теперь ей бежать не хотелось. Куда бежать? В чужой дом? На улицу? Смотрела, как он вил жгуты вокруг пачек книг и собирал чемоданы.

— Крошка Цахес!

— Что?! — он обернулся, его чёрные зрачки расширились.

— Паук.

— Пощади! Ты же знаешь, — внутри у него всё дрожало. — На меня завели уголовное дело!

— Я на тебя уголовное дело не заводила, — холодно ответила Алла.

— Ты же знаешь, я деньги... Для вас... Я... — Асляк не мог слов связать.

— Это не деньги, это взятки, — Тараканова с вызовом смотрела в его неподвижные зрачки. — С меня ты тоже взятку взял! Ты взял мою дочь! Уходи! И быстрее...

— Мне могут влечь срок... — его глаза нервно забегали.

— За взятки или за изнасилование?

Наконец Марк совладал с волнением:

— Доходы твои складываются по щучьему

велению, по твоему хотению. Кто эти щучки? Ты меняешь их как перчатки! Но даже в перчатках оставляешь следы! Декларация — липа! Издан журнал-газета. За какие средства? Продажа дома за сорок пять тысяч долларов!

Тараканова ухмыльнулась:

— Ты всё сказал?

— Купила диссертацию! Умная... стала! — он смеялся ей в лицо. — Рвёшься на выборы в Думу? Попасть в Федеральный список захотелось?

— Я уже попала! Список заверен Центральной избирательной комиссией!

— Кто твой новый кукловод?

— Не ты!

XIV

Акция «Здоровье» проходила в концертном зале. Анастасия немного опоздала, села на приставной стульчик сбоку. Рядом — журналистка Евгения из газеты, которая как раз и занимается вопросами благотворительности. Они кивнули друг другу. «Общественное здоровье у нас на уровне Зимбабве», — говорила докладчица.

— А что у зимбабвцев со здоровьем? — усмехнулась Анастасия.

Докладчица говорила об общественном здоровье нации.

— А что такое общественное здоровье? — не удержалась Анастасия и перебрислась репликой с соседкой.

— Это наше с вами здоровье.

— А с чего бы вы сами начали борьбу за здоровье зимбабвцев?

— С укрепления духа... — прогнозировала Евгения.

— Как это? Опять — «в здоровом теле — здоровый дух»? А наших нуворишей иностранцы рисуют с такими рожами, извините, упитанными лицами, что позавидуют не только зимбабвцы.

— Откормленное лицо — это не показатель здоровья, — заверила Евгения. — У нас только десять процентов нормальных родов!

Наконец выступления закончились, пообещали интересный концерт, попросили не расходиться.

Вышли в фойе второго этажа. Всюду возле стен и окон — торговые столики. На столиках

— чистая питьевая вода, очистительные фильтры, биодобавки «Сибирского здоровья». Тут же и косметологи со своей продукцией. Вокруг — большое скопление людей.

— А вот и столик от Аллы Таракановой, — Евгения направилась к левому краю. — Странно! Среди парафармацевтов и косметологов — лекарство. Это что, аптечный киоск?

— Мы бесплатно раздаём лекарства. Это благотворительная акция, столик от Аллы Таракановой, — объяснили девушки, симпатичные и улыбочивые.

— Давать всегда приятнее, чем брать, — пошла женщина в чёрном.

Бедных людей было мало, поэтому женщина в платке как-то сильно выделялась.

— А это что, пиар-акция? — насмешливо определила Евгения, получив с подарком листовку. — Мечты Таракановой о местечке в Госдуме? Основателя международного салона сантехники? Две её попытки пробиться в законодательный орган страны закончились неудачей. Вот начало третьего раунда!

Анастасия пыталась разгадать слова Евгении. Что же здесь происходит? Гуманитарная акция была похожа на предвыборную кампанию.

— Смотрите, как Тараканова популяризирует чистоту своих душевных помыслов! Тараканова успела побывать в трёх... или в четырёх партиях! Вы знаете об этом?

— И в каких же? Просветите, — добывала информацию Анастасия.

— «Единство» — раз! — Евгения загнула лакированный ноготок. — «Единая Россия» — два! В апреле переметнулась в партию «Возрождение России» — три! А теперь уже в «Партии жизни» спикера Совета Федерации. Он поинтереснее, не правда ли?

— Это что-то уже гоголевское из «Мёртвых душ»... Где же ныне живущие писатели? Какой материал пропадает! — иронизировала Анастасия.

Она отошла от коллеги, хотелось услышать беспристрастное суждение.

— Я верю людям, — сказала одна пожилая дама, похожая на учительницу начальных классов.

— Верить проще, чем не верить, — возразила другая женщина в чёрном.

— Это как же? — «учительница» поправила очки.

— Ты думаешь, что все хорошие — и тебе поэтому тоже хорошо. А это вредно — верить всем, — отвечала собеседница.

— Хочешь продавать лекарства по льготной цене — открой аптеку, очередь стоять будет в эту чудо-аптеку, — заметила «учительница».

— Вот газета... — вторая развернула свёрнутый лист. — Здесь восемь фотографий Аллы Таракановой. Политическая кукла, меняющая политическую маску в зависимости от сезона и моды.

Анастасия вышла. Она шла по улице, хотелось переключиться на что-нибудь новое, светлое, чистое...

— Тётя, — показал на неё пальцем малыш и улыбнулся ей, словно матери.

— Ты в школу идёшь? — Анастасия встрепенулась от пронзившей забытой радости.

— Да, — малыш смотрел на неё ясными ангельскими глазами.

Мама и бабушка рядом с ним тоже улыбались.

— А сколько тебе лет? — Анастасия и сама теперь не сдержала улыбку.

— Три с половиной.

— Да?! Хочешь в школу? Пойдём со мной, — позвала журналистка.

Малыш протянул ручку.

Анастасия взяла его ладошку, и ей стало так светло и радостно.

— В школу он пойдёт с удовольствием! — счастливо улыбались женщины — мама и бабушка.

— Как тебя зовут? — спросила Анастасия.

— Человек, — сказал малыш.

Анастасия от счастья чуть не взлетела.

— Здорово! Человек! Какой ты взрослый и хороший, человек!..

И вспомнила... Берёзка распустилась в ночь, когда она родила. Гибкие ветки в изумрудных серёжках. Весенняя зелень радостно блестела на солнце... Муж стоял, прислонившись спиной к дереву. Анастасия подняла ребёнка. Муж махал руками, словно хотел взлететь к окну. Анастасия поднимала ребёнка выше и покачивала им, как куклой. Вдруг муж сполз, соскольз-

нул спиной по белому стволу березы... Она как-то рассказала это дочке Аллы Таракановой... И та смеялась... Чему смеялась девчонка?

XV

Марина звонит Алёше, хочется с ним просто поговорить. Второй раз звонит, слушает длинные пустые гудки. Ушёл куда-то. А он ей так нужен сейчас. Куда он ушёл без неё, сегодня же воскресенье?! Может быть, кататься на роликах? Марина звонит ему в третий раз... Пустота в холодной телефонной трубке. Ролики? Марина быстро кидает их в рюкзачок и бежит на остановку.

Застава, где жил Андрей Платонов, которого так любит Жанка. Мост через железнодорожное полотно. Политехнический. Автовокзал. Марина отвыкла ездить на общественном транспорте. Здесь куча народу, все о чём-то разговаривают, шум, как в школе на перемене. И толкаются, как на базаре в очереди. Бурчат старики, смеются парни, все как будто в одном большом доме и друг друга знают. Памятник погибшим солдатам. Вечный огонь. Сюда они приезжали на День Победы, возлагали цветы. Дальше город кончается. Вот и областную больницу проехали. Спорткомплекс «Олимпик» находится недалеко от центра, если ехать на джипе, но если добираться автобусом — это всё равно что на краю земли. И вот за окнами замелькал лес, минут двадцать ехали вдоль лесной полосы и наконец остановились.

Марина выскочила с радостным чувством, что её здесь действительно ждёт Алёша. Около кафе было много народу, так что трудно было бы его найти.

Она зашла в кафе. Сидела и ждала Алешу. На неё бросали любопытствующие взгляды парни, но, видя, что она в каких-то проблемах, никто даже не заговорил. Было уже часов пять, надо возвращаться, но идти обратно в таком настроении не хотелось.

Марина вышла из кафе, и так захотелось в лес, смешаться с деревьями, уйти от шума в тихий птичий мир. Кругом гуляли парочки, мамочки с детьми, студенты на велосипедах, тинейджеры на роликах. Быстро надела ролики, защиту и помчалась.

Последние дни осени. Много иностранцев попало по пути. Африканцы, вьетнамцы, и всякие другие с кожей цвета персика, апельсина и киви. В миллионном городе, расположенном между Москвой и Чёрным морем, обучается очень много иностранных студентов. Город зелёный, молодёжный, много университетов и институтов, он привлекает иностранцев своим расположением на реке Воронеж, природой и довольно мягким климатом.

Марина, следуя за иностранцами по беговой дорожке, то обгоняя их, то отставая, углубилась далеко в парк. Здесь уже и кататься на роликах было не очень удобно, но за каждым поворотом она надеялась увидеть Алёшу. Вот трое персиковых парней и три русских девушки хохотали, шутили, и это веселье притягивало Марину. Марине понравился один из них, он так заразительно смеялся, что она невольно загляделась на него. Волосы под хиппи. Лёгкая, как у девушки, походка. Она даже встретила с ним глазами — что-то поразило её. И то ли зависть к девушке, которая рядом с этим парнем, то ли ещё какое чувство возникло в ней, и она притормозила. Иностранец смотрел на неё и улыбался. Он напомнил ей Алёшу. Марина наконец ответила ему улыбкой. Ей захотелось тоже веселиться в этой компании.

— Как ты хорошо делаешь! — первым заговорил парень.

— Правда?! — обрадовалась Марина, словно выиграла приз на международном кроссе.

Но через несколько секунд она уже перегнала их и гнала-гнала дальше. Потом развернулась, проехала обратно — им навстречу.

Из обрывков разговора Марина поняла, что красивый парень — перуанец, а зовут его Анхелес. И что его любят друзья и девушки за его лёгкость, беззаботность. Перуанец ещё не потерял свой акцент и ломал русские слова. А другого его земляка зовут Лаваро. Марина увлеклась другой жизнью, которая была рядом. Так невольно втягиваешься в быт людей, которые оказываются рядом в поезде. Третий был испанец, звали его Марио. Вместе с иностранцами был один русский.

Марина умчалась далеко вперед, уже не бо-

ясь леса, а радуясь спасительному куполу живой природы.

И вдруг, возвращаясь по беговой дорожке, она услышала крик:

— Россия — для русских!

— Ты хочешь русскую?! На! Получай! Получай!

— У нас в Перу много жить и работать русский!

— Ты хочешь капусту?!

— Мы из тебя сделаем капусту!

Вдруг Марина увидела страшную картину.

Человек двадцать подростков окружили кого-то. Она по крикам поняла, что это та знакомая компания, в которой был перуанец.

— Это ошибка! — метался перуанец, пытаясь остановить всех словами, драться он не умел. — Зачем такой ошибка?

— Ты откуда?

— Мы получить диплом. Мы сразу уехать будем! — встал между скинхедами и иностранцами Анхелес.

— Россия, вперед! — звучал молодой голос, как военный клич.

— Почему я не могу? Мне предложить после подготовительного курса Екатеринбург. Почему не могу здесь?

И тут пошли в ход железные пруты, которые Марина вначале не заметила.

Ей показалось, что это она уже где-то видела. Марина вспомнила сцену из Толстого... Как избивали розгами до смерти провинившегося солдата...

И вдруг, словно солдаты по команде, хулиганы убежали в страшный тёмный лес. Анхелес лежал в крови, как в красной луже.

Теперь, когда хулиганы исчезли, прохожие стали подходить ближе. Над юношей склонился старик, седой, сгорбленный, в очках. Старик сказал, что перуанца два раза ударили ножом в бедренную артерию, поэтому много крови, и что, помимо ножевых ранений, у него разбита голова.

Пока ехала машина скорой помощи, перуанец лежал без сознания и даже не стонал, а на лице, показалось Марине, была улыбка. Рядом — окровавленный нож. «Умрёт», — сказал старик. У Марины мурашки побежали по спине. Скорая помощь ехала, кажется, целую веч-

ность. Жанна Владимировна на уроках рассказывала, что учителям и врачам платят так мало, что это составляет лишь половину прожиточного минимума. Но ведь когда умирает человек, при чём тут зарплата?!

Взволнованная увиденным, Марина попыталась взять себя в руки и дальше поехать на роликах, но тут же упала, разбила коленку. Она переобулась и пошла. Ей было жутковато от мысли, что напавшие на перуанца могут бродить где-то поблизости.

Марина вышла из страшного осеннего леса и брела по улице, вдруг видит — прямо на проезжей части толпа народа.

— Куда люди идут? — спросила Марина прохожих.

— Крестный ход, — это женщина ей ответила. — К мощам святым идём. За грехи прощения просить.

— А я могу с вами идти? — разглядывала Марина хоругви и икону.

— Это надо у батюшки благословение попросить, — приостановилась женщина в длинной чёрной юбке, лет тридцати, высокая и яркая, как испанская цыганка. — Ты давно исповедовалась?

— Давно, — сказала Марина и тут же спохватилась: — Я ещё не исповедовалась.

— Ни разу? — испанскими глазами женщина посмотрела на Марину. — Как твоё имя?

— Марина. А вас как зовут?

— Мария, — женщина сделала паузу, словно хотела что-то добавить к своему имени, но передумала. — Исповедуешься в первом храме, как дойдём.

— А на исповеди что надо говорить?

— Имя своё. А потом батюшке скажешь: «Я вся из грехов».

— И всё? — Марина удивилась. — Есть же какие-то правила...

— Я сказала так, когда пришла первый раз на исповедь, — «испанка» ободряюще улыбнулась. — И расплакалась.

— А священник?

— Батюшка сказал: «Крепись, Мария». Исповедовалась и почувствовала лёгкость. Нет греха.

— Нет греха? — Марина уже двигалась со всеми, как будто давно собиралась в этот путь.

«Испанка» шла рядом.

— Греха нет, — говорила она. — Но те, кто делает грех, когда делает вещи, подобные природе разврата, — те опять должны каяться.

Подошла другая женщина и дала листок. На бумаге — эмблема: три листочка на веточке и четвёртый — кружок с изображением земного шара. Марина взглянула, она это уже видела — дома всё завалено: «Дорогие друзья! Передавая вам лекарства, мы надеемся на то, что вы здоровы. ... Дорогие земляки! Региональное общественное движение «Единство женщин»... К России с любовью... Одним из главных компонентов счастья является... В рамках программы «Борьба с бедностью»... Статистические данные свидетельствуют: третья часть населения находится за чертой бедности. Их средств едва хватает на коммунальные платежи и скудное питание.

Марина скомкала этот лист бумаги и бросила под ноги тем, кто шёл за ней. Ей показалось, что она бежала, бежала, а вот теперь, когда догнала, увидела — впереди длинная дорога. И бежать не надо, а надо спокойно, терпеливо двигаться вперед.

Зачем она шла — не ответила бы никому и даже сама себе, только ясно чувствовала, что ей это надо — смешаться с толпой простых людей.

— Благо сошло в нашу среду ко всем вещам всякой природы, — поучала какая-то женщина, тоже в длинной юбке. — Благо надо направить к корню, к Богу.

— Вы верите в Бога? — Марина заглянула ей в глаза.

— Все существа, все создания, все творения пребывают друг в друге и друг с другом. Бог в нас во всех.

— Это что значит? — спросила Марина, не могла же она слепо верить, как эта женщина.

Прошли мимо автозаправки, кафе.

— Все пребывают друг в друге. И мы снова разрешимся в нашем собственном корне. Уж недалеко осталось. Крепись.

Марине мешали идти мысли и переживания. Она словно спотыкалась о них.

— ...Зло — это закон естественного отбора, — звучал голос Марии. — Может быть, для искусства или религий это плохо, но это природная форма бытия. Добро — это понятие привнесённое, культурное, чисто человеческое. — (Мари-

на припомнила, что об этом часто говорил ей отчим). — Добро — это порождение нашего духа и разума. Добро слабее, как слабее всякий домашний цветок в сравнении с луговым...

Марина оглянулась.

— ...Материя породила страсть, не имеющую подобия. Чистая любовь только к Богу и только у Бога. А зло у Сатаны, — продолжала паломница.

— Это из древнегреческой трагедии, — вымученно улыбнулась Марина.

— Страсть произошла от чрезмерности! — наставляла женщина. — Мария Магдалина первой увидела Иисуса воскресшим. А ведь она самая грешная была. Между воскресением и вознесением это было. Она первой увидела его после смерти живым.

Марина спросила:

— А что такое любовь?

Мария строго посмотрела на неё:

— Любовь — это грех. Когда возникает смятение во всём теле, трудно успокоиться. Грех приносит смятение. Спаситель любил Марию Магдалину больше, чем своих учеников. И она уверовала у него.

— Она поверила в него, когда он был жив?

— Мой мир, приобретёшь его себе, — паломница ласково улыбнулась и сказала уверенно: — Иди с нами, девочка. Тебе надо. Сын человека внутри нас! Он всех предупредит, когда время придёт. «Блаженна ты, ибо ты не дрогнула при виде меня», — сказал Иисус Марии Магдалине. Она не понимала, а веровала.

— Если бы мне явился Иисус, и я бы уверовала, — шепнула Марина.

— Не сомневайся, — «испанка» Мария тронула её ладонь, — ибо его благодать будет со всеми нами и послужит защитой нам. Восхвалим его величие, ибо он приготовил нас и сделал нас людьми.

Шествие остановилось, присоединились ещё новые люди. Народу стало в два раза больше. Паломники одеты бедно. Стопанная обувь и выношенная одежда объединяли их, они были похожи на беженцев, на пустынников, которых много лет водят по пустым дорогам.

— Сестра, ты знаешь, что Спаситель любил Марию больше, чем прочих женщин? — женщина шла, а её юбка почти касалась дороги. —

И просили Марию: «Скажи нам слова Спасителя, которые ты вспоминаешь, которые знаешь ты, не мы, и которые мы и не слышали».

— Душа или ум — что главнее? — спросила Марина.

— Дух — это в нас дыхание Божие. А между ними ум.

— Между ними? — Марина пыталась понять, но ей не удавалось уловить чего-то главного, без чего все рассыпалось.

— Мы созерцаем видение Бога не духом и не душой, а тем, что между ними.

Марина улыbnулась, ей показалось, что она попала в какое-то другое время... В давнее прошлое...

— Лукавство овладело тобой. Ты схвачена. Не суди! Будь то вещи земные, будь то небесные. Узы забвения временны, — быстро говорила женщина, испанские глаза сверкали.

Прошли уже много. Два раза отдыhали под деревьями вблизи дороги.

И вот дошли до первого храма. Остановились. Крестились и радовались.

Марина зашла в храм со всеми. Запах ладана, пламя свечей. Это особое состояние открытости, связанности с миром, единение с людьми ей было ново. Она поставила свечу пред иконой Казанской Божьей Матери.

Вот старушка сгорбилась, трясётся сухая рука на клюке.

Прихожане сложили руки на груди крестом, подходили к батюшке причаститься. От причастия они шли благодные. На короткое время, пока идут со скрещёнными руками, они спокойны, так бунтовщики сами себя ведут к смирению.

Вот служба закончилась. Люди стали расходиться на ночлег. У многих тут оказались знакомые.

— А вы что, компот не пьёте? — у стены на узкой скамеечке сидит пожилая женщина. — Ноги болят. Я-то вот боюсь встать пойти попить: встанешь — место займут.

— А ночевать где? — Марина спросила старушку.

— Бывало, на пол ляжешь и спишь. Обувь у всех нищенская. Шли босиком, а спали косяком.

Рядом женщина стелет половичок на церковный пол и ложится. Ничего не говорит. Сумку — под голову.

На следующий день пришли в другой храм.

Женщина в чёрном монашеском одеянии прошла за деревянную дверь церкви, и слышно было: «Вот тут одна женщина хочет остаться ночевать».

— А вы что хотите? — вернулась монахиня, подошла к двум девушкам.

— Мы принесли вещи, — одна из девушек держала в руках большой полиэтиленовый пакет.

Марина смотрела и не понимала — к чему это? Девушки, вещи, монашки... Как во сне.

— Хорошие? Может, их и носить нельзя?

Девушки молчали.

— Принесут, что только выбросить, — ворчала монахиня.

— Мы отбирали, — будто оправдывались.

— А потом они тут валяются...

Девушки сконфузились. Пакет тянул руки.

— Куда же мы теперь это денем?

— А я не знаю куда. Я в выражениях не стесняюсь, а то нанесут сюда всякого...

— Мы специально везли, — от огорчения голос девушки стал громким и обиженным. — Вы же даже не посмотрели!

— Сестра?! — подошла вторая монахиня в широких чёрных одеждах, пожилая. — Ты так работу свою потеряешь. Возьми у них вещи.

— А Варвара не берёт, — первая поджала губы. Пожилая всеми своими широкими длинными юбками развернулась к девушкам:

— Простите нас, пожалуйста.

— Что вы?! — голос у девушки дрогнул.

— Простите её, пожалуйста.

Девушки, обескураженные, хотели выйти, а им навстречу — нищенка.

— Грядет с облаками. Узрит его всякое око. Возрыдают, — перекрестилась на святые образа нищая странница.

В храме свечи дышат, светом отсвечивают в образах. Ладаном пахнет. Стоят прихожане, молятся.

— Соучастник в скорби и в терпении, — трубным простуженным голосом заголосила странница. — И семь золотых светильников. Начало и конец. Господи, помилуй.

Марина стояла, поражённая увиденной новой жизнью. Всё здесь было незнакомое. Нет ни печки, ни молочной речки, ни яблоньки. Куда девице спрятаться?

— Что вы тут стоите! — подошла работница церкви с плоским лицом. — Вы мне мешаете.

Ночевала Марина в гостинице для паломников. Раньше там больница размещалась. Рядом на коечке устроилась старушка паломница, тут же и другие. Коечки больничные в гостинице. И тумбочки рядом. Женщины, негромко переговариваясь, укладывались спать.

— ...Люди людьми живут. Люди у людей учатся, — сказала нищенка. — Хоть луковичку, а на канонник положи и никогда нищим не отказывай. Хоть луковку дай. Луком обманывать, обвешивать нельзя — это большой грех. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй!

— ...Хожу грехи замаливаю и сыну здоровья прошу. Может, Бог даст, увижу во сне средства от болезни. «Ложусь я, раба Божья Мария, спать на Сионских горах во святой Церкви, кладу три ангела в головы: одного — подслушивать, другого — подглядывать, третьего — подсказывать. Поведай, Никола милостивый, зелье в потребу. Слава Отцу и Сыну и Святому духу во веки веков. Аминь».

— Аминь, — тоже шепнула Марина.

— «...Побеждающему дам вкушать сокровенную манну. И дам ему звезду утреннюю. Последние дела твои больше первых. О раскаянных грехах не сожалей», — читал кто-то из угла.

— ...А моего сына убили в Чечне... — откровенничала другая у окна.

У самой двери расположилась нищая, которая говорила шутками-прибаутками, словно юродивая:

— ...Родила детей Устюша — не думала. Народила семерых — пригорюнилась. Ой, да чем же их кормить-поить? Ой, да как же уму-разуму учить?

— ...Ты ботики-то свои к батарее поставь в коридоре, а то, небось, пахнуть начнут, — учила Марину соседка.

— ...Я знаю, как люди пахнут. Сына-то когда своего нашла, а его размораживать нельзя. Сыновья Дракона его убили...

— ...Ты сыми одежду-то свою, девонька, я тебе принесу от настоятельницы другую.

— ...Спаси вас, люди добрыя. Благодарствую

тебе, единоутробная сестра. А сына-то моего нету. Не одно окно открыто, не одна дверь распахнута, стены взломаны, и хлынет поток...

Другая перебила:

— Ты лучше молитву вслух читай «Отче наш». Знаешь?

— А как же! Когда я в монастыре жила, меня настоятельница не отпускала. Я молила, молила батюшку, чтобы благословил в Оптину. За сына хочу молиться. Как истерзало его сборище сатанинское. Он умер там, где престол сатаны. Никто не знает глубин сатанинских.

— Так ты монашка?

— Нет. Паломница. Вот сподобилась... Там святости такой нет, как здесь. Много работают. Работы я не боюсь. Но там много мирского. Отче наш... «Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег. Очи Его — как пламень огненный. Ноги — подобны халколивану, как раскалённые в печи. Голос — как шум вод многих. Он держит в деснице своей семь звезд. Из уст Его выходит острый с обеих сторон меч».

— Ох! Странница, — вздохнула так тяжело. — Господь в помощь тебе.

— Спасибо, матушка. А в лице Его — как солнце, сияющее в силе своей. И сказал он мне: «Не бойся. Имею ключи ада и смерти».

— А рая? — вырвалось у Марины.

— «Побеждающему дам вкушать от древа жизни».

— Тихо. Уже легли люди-то, — одёрнул голос.

— Она спит — под неё хоть вар подливай — не встанет, — про бабулю это, что с головой укрылась.

— А всё ж ей почти девяносто.

— Мне хоть за деньги — до ста лет жить не хочу.

— Почему?

— Организм устал. Да и что за жизнь пошла. Детсад был разгляденье. Порушили. Нашего — не нашего — ничего не пожалели.

— У нас богатые — самодовольные и агрессивные.

— А бедные? — это Марина спросила.

— Озлобленные и унылые. А глаза и у тех и других одинаково безрадостные.

— Я бы так не сказала... Все люди разные, а добрый человек или злой, не зависит от богатства! — Марина попыталась вступиться.

— Вот ты из богатого дома, а тебе нет там

счастья. Ты хорошо сделала, дочка, что с народом пошла. В народе сила, на народе и смерть красна.

Утром на исповеди Марина стояла среди народа.

— Называйте ваши имена, сёстры и братья, — произнёс батюшка.

Она шагнула к священнику, чуть опустила голову, начала исповедоваться, но дыхание прерывалось, словно она бежала — бежала и остановилась. Она заплакала.

После беседы со священником Марина укрепилась в желании сохранить беременность.

XVI

Когда Марина не пришла ночевать домой в первую ночь, Алла волновалась, но по знакомым не звонила. Когда дочь снова не пришла ночевать, мать уже не думала ни о своей репутации, ни о том, что люди подумают, — обзвонила всех, кого могла знать её Марина. Когда та не пришла в третью ночь, Алла потеряла силы и слегла, как в тяжёлой болезни. И позвонила начальнику милиции.

Поиск теперь вели профессионалы.

Алла доставала вещи дочери и разглядывала их, пролистывала книги, которые читала Марина, словно надеясь найти подсказку. Нашла припрятанный дневник. И мать как будто заново стала открывать для себя дочь. Дневник, словно компас, вёл её к дочери.

...Зазвонил телефон. Алла, не выпуская из рук тетрадки, прижала трубку к уху. Это звонил Тигран. Алла выслушала его, но не пригласила. Ей казалось, будто и он виновен, что Марина исчезла. Мать опять углубилась в жизнь дочери, которую теперь восстанавливала по строкам и страницам.

«...Мама смогла со мной поговорить. Она рассказала, что хотел от меня Асяк. Зачем он на мне дрыгался. Мама даже спрятала его часы, точнее мои, которые он мне подарил. Да ну его, этого Асяка. Дурак. Больше ничего».

«Ничего, зато почему-то всю следующую неделю каждый день будут идти эти мультики».

«...В сквере, на траве возле скамейки, валялась

кукла, одна рука у неё была оторвана. Эта кукла похожа на ту, с которой играла ещё мама. Кукла эта не модная, но очень дорога бабушке, она из другого времени, не такая, как у всех. Стало скучно и тоскливо сидеть около этой куклы. Кто же её так долго берёт и теперь вот выбросил? Подняла. У куклы — дырка в животе, кричать «Ма!...» не будет. У неё треснул гуттаперчевый шов на ноге. Глаза закрыты капроновыми ресницами. На голове — лысина. Кукла, кукла... Руки-ноги её разбросаны так, будто она, танцуя, куда-то спешит. Куда ты спешишь, кукла?»

Вдруг под руку попался незапечатанный конверт. Алла с любопытством прочла адрес — это ей, А.П.Таракановой. Обратного адреса на конверте не было. Почерк дочери. Алла разволновалась.

«Письмо маме, которое я ей никогда не отправлю».

Ты боишься, что я перестану любить тебя... Но сама делаешь всё, чтобы это произошло. Родителей не выбирают. И любить я буду... Любить — не значит простить. Простить — значит поверить. Но поверить я не смогу тебе никогда... Извини, и не надо оправдываться... Ты была единственным человеком, которому доверяла всё. Я знала, что ты единственная, кому я нужна, кому не безразлична моя жизнь. Хотя это и теперь... Но ты была для меня самой лучшей. Может быть, я изменилась, но ты перестала быть такой...»

— Я была самой лучшей для неё, — сказала Алла вслух, улыбаясь и плача, оглянулась и подумала: «Хорошо, что нет Марка, сказал бы, что я схожу с ума».

Алла выпила стакан холодной воды. Посмотрела в окно: картина та же. Окна чужих домов, антенны, крыши. Где же искать её? Миллионный город — как стог сена. Человек не иголка, но как его найти, если он прячется? Опять села в кресло, открыла дневник.

«Не могу я молчать, но и сказать ничего не могу. Разве не хочется в детстве побольше понять, узнать? Кажется, как интересно... А оказывается, всё только для того, чтобы защитить себя, защитить от этого мира. Это не просто слова. Жизнь не верит словам, поэтому люди часто ошибаются. Простить ли? Библия учит,

что надо прощать. Именно уметь, ведь это так сложно. Простить — значит поверить. Все хотят подготовиться к жизни. Какая глупость! В нашем городе это как странная болезнь. Ольга постоянно в своём репертуаре. Даже мама. Вчера, когда дверца хлопнула, показалось так плохо. Одна. Мало друзей, очень мало. Что же за законы! Если не такой, как они, — не нужен, не подходишь — будь один. ...Как мама могла целый год даже не догадываться, что существует Лёша? Как могла думать только о себе? Просто она ничего не почувствовала, после этого перестала быть моим другом».

* * *

Когда Тигран рассказал Алле о Марине, она не поверила, что её дочь беременна. Что за глупости! Она ребёнок! Девочка! Зачем ей беременеть? Нынешняя молодежь знает больше родителей об отношениях мужчины и женщины. Столько рекламы, столько книг и брошюр, как избежать этого... Труднее всего было приучить себя к мысли, что Марина не ребёнок, что она вправе иметь свою жизнь и даже своего ребёнка. Не надо волноваться за неё, а надо дать ей свободу. Но как не волноваться? Как заставить сердце не биться?!

И Алла решила всё расставить по своим местам.

Алла Павловна подала на развод. Когда она сказала об этом мужу, то Марк заговорил с ней не о разводе, а о лекарствах, которые она раздавала от имени благотворительной организации.

— Смотри, как бы тебе за эти игры с лекарствами не пришили уголовное дело! — сказал Марк, желая и предупредить, и отомстить ей одновременно, он был странный человек: у него каким-то странным образом добро переходило во зло, а зло — в добро. — Передаю тебе документы... Изучи хорошо и подстели себе соломки...

— Что это?

— Это то, что я, как юрист, знаю, а ты, как кукла, знать не желаешь. Твои кукловоды подставили тебя.

— Нет!

— Вот читай! Первое: «Без плана реализа-

ции, утверждённого Минздравом, ввоз и распределение лекарственных средств, медоборудования, медизделий запрещены». Какой же план реализации у тебя? Молчишь? Второе. «Реализация лекарственных средств частными лицами, учреждениями, не имеющими лицензию, является уголовно наказуемым деянием».

— Что ты меня пугаешь?

— Я тебя не пугаю... Я, может быть, ещё люблю тебя, кукла.

— Я лечу людей, я им помогаю! Какая неблагодарность!

— Ты лечила аспирином? А он не с подмоченной репутацией? Вот, дарю тебе «Российскую газету».

Алла быстро читала: «Лекарственный бизнес по своей мощи, своим прибылям уступает, наверное, только нефтяному. Лекарства первого и второго сорта... Уценка, пересортица в фармацевтической сфере исключены...»

— Ты мне больше не муж. Всё! Ты — никто! Уходи!

— А ты не боишься потерять своего домашнего адвоката?

— И знай, что я тебя не боюсь!

— Не боишься?!

— И не думай запугивать меня или мою дочь! Он ушёл.

* * *

Через неделю был развод.

Алла пришла первой, Асяк опоздал. Торопился, словно бежал откуда-то. Зашли в кабинет. Их разводила женщина в строгом костюме.

— Садитесь! — сказала она.

— Я спешу! — остался стоять Асяк.

Документы были почти готовы, Алла договорилась об этом заранее. Оставалась только формальность — два-три вопроса и подписи.

— Подпишитесь! — из-за стола поднялась другая женщина с фиолетовыми волосами.

— Быстрее! Я тороплюсь! — Асяк подошёл к столу и взялся медленно, скрупулёзно читать.

Женщины переглянулись, каким-то шестым чувством понимая друг друга.

— Здесь, пожалуйста, — с подчёркнутой вежливостью попросила работница, указывая

пальчиком на строку, где необходимо поставить подпись.

И вдруг Асляк посмотрел в упор в лицо работницы и произнёс тоном прокурора:

— Шесть миллионов триста девяносто один.

Работница подумала, что с ней шутят, и при-
нуждённо рассмеялась.

Но его прокурорская маска не дрогнула:

— Шестьдесят шесть миллионов триста девяносто семь, — и добавил: — Долларов!

— Что?! — спросила работница, всё ещё пытающаяся понять шутку загадочного мужчины.

— Восемьсот сорок пять, шесть тысяч пятьсот сорок восемь, девятьсот девяносто девять триста сорок восемь пять...

Женщина в костюме рассмеялась:

— Чего смеётесь?! Плакать будете! — пророческим голосом сказал Асляк.

Смех оборвался. Стало тихо.

— Распишись! — громко и резко сказала Алла.

Он расписался.

— Вы свободны, — старалась в тон Алле говорить работница.

Асляк вышел.

— Что с ним?! — с ужасом глядела на Аллу женщина с сиреневыми волосами. — Как вы с ним жили?!

— Сексуальное недомогание.

— Что?

— Сексуальное недомогание, — повторила Алла. — Так говорит один провинциальный писатель. А провинция — это не так уж плохо, не правда ли? Но все хорошие писатели почему-то едут в Париж, в Ниццу, в Нью-Йорк... Спасибо, что обошлось без лишних формальностей.

— Осторожнее с ним... — попросила с материнской мягкостью женщина. — Он, мне кажется, опасен.

Женщины обменялись взглядами, в которых было понимание какой-то общей женской судьбы. И Алла вышла, оставив на столе подарок и конверт с деньгами. Она хотела пойти сразу домой, обнять дочь. Но это сделать было невозможно. Мир рухнул. Всё распалось, как цепная реакция. Что с Мариной? Алла села в машину. Но куда ехать? Кто и где теперь ждёт её? Кто поймёт?

XVII

Гонит ветер облака по хмурому небу. Горизонт ступенчатый — серые, как асфальт, крыши домов. Марина раскладывает пасьянс и смотрит на очертания облаков. Вот это облако похоже на парусник, а это — на детскую коляску.

Марина ждала роды уже вторую неделю. И вот началось. А в доме нет никого. Она смешала карты и отбросила.

Началось? Что это? Боль? Боль стихла. И опять! Что это? Опять! Началось? Боль повторяется через полчаса.

Схватки сменяют одна другую, время между ними сокращается.

Открыла кран горячей воды в ванной (в воде, говорят, рожать легче). Марина изучила лекции по родам в воде. Читала, читала... И вот! Ужас! Горячей воды нет. Открутила синий кран. Полилась холодная вода. «Что же делать? Ванны не будет. Если позвонить в роддом? Нет! Нужна будет медицинская карта. Нельзя в роддом. Главное, чтобы никто не пришёл. Нет! Не хочу. Никого не хочу. Главное — не жалеть себя. Закрывает кран холодной воды, кинула на дно ванны фланелевое голубое детское одеяло и села. Индейцы скакали на коне и рожали».

Она открыла брошюру, где подробно даны советы тем, кто собирается рожать. Дышите глубже.

— Дышу.

Следите за дыханием.

— Слежу.

«Уплыть я не могу...» Посмотрела на себя в зеркале. Бывает, что женщины думают о другом. Нет, о другом думать сейчас нельзя. Надо рожать! Индейцы спускались с лошади, рожали и скакали дальше. «Нет. В роддом не поеду!»

«Надо работать. Методично!» Схватка за схваткой выталкивали ребенка вниз. Живот опустился. Внизу стало тепло и мокро. Воды пошли? Вот она... Потуга. Сильная, очень сильная... «О! Господи! Помогите мне! Господи! У меня никого нет. Маме я не нужна. У неё Марк, у неё Тигран... Я никому не нужна. Помогите, Господи! Если всё будет хорошо — уйду в монастырь». Страх сжимает горло. Что кричать, когда рядом никого нет?! Рожали же в

поле русские бабы... «А! А-а-а!! А-а-а-а-а! А-а-а-а! А!!! Мама!»

Началось... Она слышит, чувствует, понимает, как он выходит. Дышать надо ровно. Не орать. Все произойдёт само. Мама рассказывала, если бы она орала, я бы задохнулась.

Она подставила руку. Вот головка. Достала. Держать ребёнка! Держать! «Да ты в рубашке родился!»

Мальчик.

Может быть, надо было позвонить в скорую? Теперь вот выйдет послед. И всё. Это уже без боли, но ощутимо, словно выползает что-то.

Всё хорошо! Теперь перейти в комнату и лечь. Мальчик! Марина сама разрешила пуповину заранее приготовленными ножницами, обработанными в спирте. Перевязала пуповину на себе и на ребенке. Смазала йодом. «Всё. И к маме ты уже не привязан, мой малыш». Головка сына дрожала на её руке. «Вот. Родился. И я сразу беру. Просто, да?!» Захлёстывали слёзы радостного ошеломления. Но расслабляться нельзя, когда одна.

Всё хорошо! Всё хорошо. Нормально. Индейцы на коне рожают. Господи, да никакие мы не индейцы, мы просто коровы. Вот и родила. Просто. Как в хлеву. Грязь-то вокруг какую развела! Убрать надо, вдруг кто войдёт...

К груди приложить, чтобы не орал. На! Со сёт... И чего все бояться?! Это же так просто!

Марина позвонила Наташе. Теперь надо дожидаться, чтобы подружка пришла. Ждать и ни о чём не думать.

Когда заставляешь себя не думать о том, что происходит сейчас и здесь, то мысли приходят откуда-то сами, раздвигают горизонт и становятся легче.

Мы осознаём свою жизнь в трёх измерениях: главное — это детство, какое бы оно ни было, оно всегда счастливое. В нашей уникальной памяти сохранилось лучшее из детства. Эта способность — хранить в памяти лучшее — благодать, и даётся она всем. В этом великое таинство сопричастности человека природе и Богу.

Надо уснуть. Через сон настоящее уходит в прошлое. А о прошлом легче думать. Прошлое — безобидно. Из прошлого возвращаются только картинки — красивые картинки детства. Уснул...

Много лет назад была Марина маленькая девочка-капризница. У нее яркий, как пион, бант и малиновое капроновое платье. Новый год — праздник из праздников. Утро.

— Все подарки от Деда Мороза?! — в восхищении просыпается и кричит Марина-девочка, целует бабушку и лисичкой пробирается под ёлочку.

— Да, Мариночка.

— А ты, бабуля, видела этого Мороза? — блестят между ёлочных шаров весёлые глазки. — Видела?!

— Видела, видела, — кивает счастливая бабушка. — Были и Дед Мороз, и Снегурочка.

— Бабушка, а гуси-лебеди Ванюшу назад принесут? — волнуется девочка вечерняя сказка.

— Нет.

— Никогда?

— Вот сестричка побежит, будет искать братца...

— А если не найдёт? — перебивает взволнованно внучка.

— Найдёт, — уверена бабушка.

— Бабушка! — Марина откусывает румяный бочок от пирожка. — А если не найдёт сестричка Иванушку?

— Кушай, кушай, это всё для тебя, чтобы съела! Вкусно?

— А где мой любимый йогурт? — Марина отложила пирожок. — А если не найдёт сестрица своего братца Иванушку?!

— Всё найдём! — бабушка достала из холодильника йогурт. — Гуси-лебеди прилетели и улетели, а мы тут будем жить! Без лебедей нам хорошо! Налетели! Кто к нам ни прилетал — все вылетали ни с чем!

* * *

Пока жила в квартире родственников Наташи, которые уехали на год работать за океан, Марина больше всего боялась, что её найдёт отчим. Она волновалась, что не сможет сопротивляться, если скажут, что нужно сделать аборт. Марина почти не выходила из квартиры. Наташка приносила продукты, веселила как могла. Теперь страх у Марины прошёл.

Наташка и деловая, и веселая! Наташка,

доброй души человек, влетела в квартиру! Марина приподнялась — ребёнок на груди, как на картине Рубенса. Наташка от такой картины чуть с ума не сошла.

— Я уже всё! — устало улыбалась Марина.

— Кто?

— Мальчик.

— Мальчик! Господи! — она кинулась с поцелуями. — Да как ты тут одна?!

— Я дверь не закрыла.

— Боялась? Я же просила тебя! Позови меня сразу! — дружески упрекала подруга. — Молодчина! Лежи, не шевелись, я сейчас врача вызову.

— Зачем?! Уже всё... Ты лучше быстрее убери всё, а то ещё кто-нибудь придет.

— Марина, а как назвала?

— Сергей.

— Хорошее имя, — Наташа светилась. — Счастливая?

— Счастливая, что никто не мешал!

— Алёша уже знает?

— Нет, — шепнула Марина.

— Вызвать врача надо. Вдруг есть эти... трещины или разрывы?..

— Не хочу в роддом, — отмахнулась Марина.

— Хорошо, ты только не волнуйся. Я позвоню Иоланте — это моя знакомая гинеколог, она придёт, скажет всё, — положила руку на лоб Марины. — Что-то ты горячая...

Пришла врач.

— Срочно в больницу! — сухо и строго сказала Иоланта. — Я позвоню заведующей, чтобы приняли без лишних формальностей. Вызывайте машину! Где телефон? — взяла телефон и начала звонить.

— Наташ, — Марина поманила подругу.

Наташа подошла, нагнулась, почтительно оглядываясь на врача.

— Алёшке скажи, что я в больнице, — дрогнувшим голосом сказала Марина, слёзы блеснули, словно в глазах льдинка растаяла.

— Хорошо, хорошо! Ты только не волнуйся!

— Наташа поправила простыню. — Конечно! Ты что! Да он сразу прибежит!

— Собирайся! — сказала врач, прервав беседу.

В палате роддома было четыре кровати.

— Кто у тебя? — спросила женщина Марину, словно старую знакомую.

— Мальчик.

— Сын? Рада? — женщине было лет сорок, и, видимо, от нервозности ей нужно было непрерывно говорить.

— Рада, — Марина села на свободную кровать.

— Счастлив твой муж, что родился мальчик? — спросила опять женщина.

— А ваш счастлив?

— Помирились вчера вечером... Правда, прощение всё равно я просила. Вот погода хорошая. Детей больше, чем у всех друзей. И дома телепузики.

— Сколько?

— Двенадцать лет девочке. С меня ростом. Красится. Маникюр делает. Первого ребёнка просто не заметили, потому что слишком рано родили. Студентами были.

— Зато теперь хорошо — дочка взрослая, — утешила Марина.

— На всём участке врач ходит и рассказывает: «У нас один здоровый ребёнок». Он очень хотел, очень доволен, очень ждал сына. Вот он счастлив! А вообще, счастье — его же нельзя измерить... Счастье, оно неуловимо. Бывает — настроение — встал — и счастье. На следующий день встал — хмурая погода, и уже счастья нет. Когда мы можем в субботу вместе позавтракать — это счастье. Папа нам готовит завтрак. Мы ему приносим просвирочку. Со вторым ребёнком какие-то другие ощущения. Страшно было, когда роды начались?

— Нет, — Марина смотрела в окно.

— А у меня от первой схватки до родовых потуг прошла целая вечность! — женщина вздохнула. — Утро, день, вечер, ночь... Я думала, до утра не доживу.

Марина закрыла глаза. И она будто плывёт. Стены — берега. Она лежала в оцепенении, слыша голоса, а никого не видя.

Вдруг дверь палаты раскрылась и въехала лодка-каталка, остановилась.

— Вы можете сами перелечь на кровать? — спросила медсестра женщину на каталке.

— Да, — ответила та.

Но не смогла даже сесть, чтобы потом опустить ноги и встать, как будто она сорок дней не видела людей, не ела, не пила.

Медсестра поближе подтолкнула каталку. Подсунула руку под поясницу и помогла перебраться на подушку и белую простыню.

Улыбнулась женщина совсем беспомощно и увидела, что все ей улыбаются в ответ.

Не надо вспоминать плохое. В каждом дне есть что-нибудь хорошее: какой-нибудь миг — пусть даже небольшой, едва заметный всплеск радости. Миг, ослепительный, счастливый. Нужно только вспомнить этот счастливый миг. Надо только отыскать его в хаосе памяти и держаться за него!

Справа у окна на кровати женщина; слева — кровать, женщина и дверь. В дверь выплыла каталка.

В палату проникал плач детей: этот звук новорождённых то освежал, как журчащий ручей, то пугал и заставлял вздрагивать, как истошный вопль ночной кошки.

Хотелось говорить, чтоб выбраться из власти этих звуков.

Марина услышала голос и повернула голову к окну, словно её только что разбудили. Серые ветки по ту сторону окна. А по эту — красавица с русой косой, сказка сказкой.

— У меня мальчик, — женщина лет сорока едва шевелила губами, улыбаться было трудно, словно губы слиплись. — Три килограмма.

— Как я поняла, это северная сторона, и солнышка здесь не будет, — отозвалась Марина. — Так что можем поменяться, если кто хочет у окошка.

— Сегодня среда?

— Да.

— Кто-то термометр прицепил, — подошла к окну. — Как дома.

Крик новорождённых слышен из конца коридора.

— Везут!

Марине дали ребёнка первой — того, кто громче всех орал.

— Всех перекричал. — Подала медсестра ребёнка. — Боится — умрёт с голоду. Богатырь! Корми скорей! Сегодня вас переведут в отдельную палату, — было в голосе заискивание и укор, что у неё будет не как у всех.

Марина промолчала. Главное, чтобы ребёнку было хорошо. Чтобы всё было, как в сказке. Человек прожил на земле ещё только один

день. Но как уже настрадался! Он только что впервые увидел свою маму. После родов вместо глазок у него были слипшиеся щёлочки, и мама в них не помещалась.

Сорокалетней мамочке ребёнка не принесли — в этом роддоме в первый день не положено ни кормить, ни смотреть, ни общаться маме с новорождённым.

В роддоме ни минуты покоя.

Вот санитарка втащила швабру. Прошуршала под кроватью, под тумбочкой. Запахло хлоркой.

— Вот руки болят, — пожаловалась молодым на свою старость. — Лопух бы привязать. Кого же вы родили-то себе?

— Мы родили трёх богатырей! Илью Муромца, Добрыню Никитича и... Как его, третьего-то, звали?

— Ох, девки, — выпрямилась санитарка с уставшим лицом. — Было мне видение. Видела ангела Божия. Вошёл ко мне и сказал: «Скоро всем вам конец света. И всё обратится в тление».

— Ну, бабушка, утешили, поздравили нас. Гуси-лебеди!

— А что ж?! Сколько же грех наш Бог терпеть будет?! Детки вот родились, как птицы небесные чистые, а помирать — все в грехах.

— Бабушка, — позвала Марина. — Возьмите вот фрукты, и вот...

— А тебе как же?!

— Мне ещё принесёт. Алёша Попович... Съем кислое яблочко, принесут сладенькое.

— Дай бог здоровьица! Дай бог всем счастья. Спасибо, красавица. О Господи! Услышь нас, омывших нас от грехов кровию.

XVIII

Марину перевели в другую палату — кто-то позаботился о ней. Теперь окно выходит на южную сторону и трамваи не гремят в пять утра. Марина не любила больницы, всё белое и зашторенное, замедленное, словно жизнь останавливается. Но роддом — это другое. Ночь. Марина поняла, что там со всеми, в общей палате, было спокойнее. Когда все спят, то это дыхание как-то успокаивает и усыпляет. А в отдельной платной палате сон разрывается

от любого звука и потом трудно вновь уснуть. «Вот и позади роды. А где мой сын? Почему они у меня его отняли? Я хочу посмотреть на него... Я хочу...» И слёзы потекли из её глаз. Боль с паузами. Схватка за схваткой. «Забыть! Надо забыть эту боль. Я хочу увидеть своего сына... Сейчас...»

«Холодно. Темно. Одиноко. И среди этого холода взгляд — тёплый, светлый, спокойный. Как хорошо знать, что тебя любят. Всё хорошо... А кто это проходит мимо? И я не могу его остановить».

Боль в пояснице. Сейчас она разольётся по всему телу до ступней. Когда можешь не кричать, это не боль. Схватки — это боль, борьба за новую жизнь. Потуги... Боль... Когда кричишь — легче. Боль криком отгоняешь. Когда кричишь, то будто ты не одна мучаешься, а и те, кто тебя слышит.

А где-то весна бурная, радостно-страстная. Заполыхали нежно-розовым абрикосы, распустили свои медовые бутоны, а тут возьми да высунь свой красный нос мороз, вернулся, посмеялся над весёлой весной, выморозил, истерзал, измучил, за одну ночь убил. Падают, падают лепестки под чёрные корни деревьев, словно не было в природе зачатия. Побил мороз.

Схватки за новую жизнь. Схватки отторжения плоти от плоти. Новая жизнь отторгается от старой, породившей её. Новое оставляет старое, разрывает связи и связки, вырывается на свободу. Всё живое рождается с болью? Мёртвое не болит. Разрыв — это боль, разрыв — это новая жизнь, разрыв — выход в новую жизнь.

Под утро Марина заснула и вдруг слышит — к двери приближается детский крик.

— Как спали, барышня? Твой отец приходил.

— Где мой отец?

— Ушёл. Позаботился. Денег не пожалел, добрый, видать, тебя любит, — вошла нянечка с ребёнком на руках. — Лежи, лежи, дочка. Не вставай. Открывай сиську. Корми сына.

— Спасибо, — счастливо улыбнулась Марина и протянула руки к сыну, как к солнцу.

Первое кормление — это чудо, это сказка, это мука. Сосок выскальзывает у ребёнка из губ. Он сопит, сосёт и опять сопит, и засыпает.

Нянечка уносит малыша. Кормление закончено.

Через час в палату к Марине зашла врач:

— Хотите, чтобы ребёнок был с вами?

— Да! — обрадовалась Марина. — А можно?

— Теперь у нас всё можно, времена переменились.

Поставили рядом детскую кроватку. Нянечка заправила её. И принесла сына.

— Если нужно будет перепеленать, сами не делайте этого, позовите кого-нибудь, — сказала врач. — Вот кнопка. Вызовите медсестру или нянечку.

Марина лежала и не сводила глаз с малыша. Смотреть на ребёнка, оказывается, самое большое счастье.

* * *

А к роддому подъехала Алла Павловна. Она не сразу вышла из машины: «Почему Марина в такой ответственный момент не доверилась мне? — пыталась она понять тайные пружины дочери, которую так любила. — Теперь я знаю... В её лице я просто соперница... И не просто соперница, а мать-соперница. Какой кошмар! Как жить?! Как я войду к ней в палату? Я и радоваться-то не могу. Всю жизнь не радовалась, а преодолевала тот испуг на балконе шестого этажа».

Вдруг Алла увидела, как мимо её затемнённых окон пробежал красивый белокурый молодой человек с цветами. Она залюбовалась им, какой-то луч счастья озарял его.

...И вот Марина услышала шаги — сердце радостно замерло. Она положила ребёнка в кроватку. В палату вошёл Алёша. Счастливый, удивлённый, стремительный, он почти подбежал к ней. И словно облака в небе рассеялись, и залил палату солнечный свет.

— Тихо, — она повисла у него на шее. — Тихо... Он только что уснул.

Нагнулся над малышом. Затаил дыхание. И огромное, непередаваемое счастье наполняло его сердце.

— Хочешь, я останусь на ночь? — тихо отошёл он от детской кроватки.

— Да ты что?! — Марина села на кровати, она

устала от забот и счастливой радости в этот день. — А можно?

— Для тебя всё можно...

— А мама?

— Я мужик! Я и решаю. Она меня уважает, как я решу, так и будет! Если ты захочешь жить у нас...

— А моя мама?

— Ты знаешь, я, кажется, видел её машину...

— Где?

— Здесь...

— Правда?

— Хочешь, я спущусь и поговорю с ней сам?

— А она меня простила?

— За что?! Да ты ей такого внука подарила!

Да она с ума сойдёт от счастья!

— Правда?

— Ты мне веришь?

— Да.

И тут Алла Павловна не выдержала и, перебивая слёзы, окончательно распахнула дверь, бросилась к дочери.

— Мариночке нельзя волноваться! — рядом в сиянии счастья стоял тот молодой человек, которого Алла видела через затемнённые окна.

— Мама, это Алёша... Мой муж.

— Да. Мне очень приятно, — прошептала Алла.

— Я муж ваш... Не ваш... — смущался Алёша. Марина смеялась и плакала.

Алёша обнял их обеих:

— Не плакать! Сегодня нельзя плакать!

— Мы... от счастья, — вытирала слёзы Алла.

— От счастья надо улыбаться. Вот как я.

Марина улыбнулась. Какое счастье! Ни тревоги, ни страха, когда все рядом.

А за окном весна. Небо чистое, ясное, бирюзовое. Голая ветка словно порозовела. И внизу, там, где солнце, снега уже нет.

□

Надежда Митрофановна СЕРЕДИНА

Прозаик, публицист.

Окончила Воронежский государственный педагогический университет

и Высшие литературные курсы

при Московском литературном институте им. М. Горького.

Публиковалась в журналах «Москва», «Роман-газета. XXI век»,

«Мир женщины», «Подъём» и др.

Автор 25 книг, среди которых «Подростки», «Тайна личной жизни»,

«Чёрная птица на белой сирени», «Пленницы грехопадений».

Отмечена премией журнала «Мир женщины» (2001)

за лучший рассказ, лауреат областной премии им. И. Бунина (2002),

призёр 6-го Международного конкурса им. М. Волошина (2008).

Главный редактор газеты «Художественная литература и жизнь».

Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

